троицкий вариант наука

www.trv-science.ru

№ 5 (174)

10 марта 2015 года

газета, выпускаемая учеными и научными журналистами

1 марта 2015 года. Фото Евгения Фельдмана

«АНТИСОВЕТСКАЯ ГАЗЕТА»

Должна ли газета, выпускаемая научными работниками и научными журналистами, всеми силами избегать политической окраски? Даже когда страну сотрясают судороги? У нас уже было несколько случаев, когда потенциальные авторы писали нам гневные реплики типа «забирайте свои куклы, отдавайте мои тряпки» после публикации политически окрашенных материалов. Нам рассказали про следующий эпизод, имевший место в Институте теоретической и экспериментальной физики, которому ТрВ посвятил много внимания, пытаясь защитить его от новых хозяев. С какого-то момента пачки ТрВ, выкладываемые курьером на проходную для сотрудников ИТЭФ, стали исчезать. Однажды один из сотрудников увидел охранника, несущего пачку газет, и спросил: куда и зачем? Охранник ответил, что несет выбрасывать, что таков приказ директора, что это — антисоветская газета.

Конечно, политика не наш жанр. И если бы она беспардонно не вмешивалась в нашу жизнь, если бы она не тянула нас в средневековье, так и черт бы с ней.

К сожалению, наука неотделима от общества. И к счастью, именно из этой среды зачастую приходит помощь. Не раз случалось так, что научное сообщество лучших своих представителей, казалось, максимально удаленных от жизни в своих физико-математических или биологических эмпиреях, рекрутировало в политику. К сожалению, достойные люди не всегда по-настоящему востребованы властью и не всегда им удается физически уцелеть, оказавшись вблизи Кремля…

И политика политике рознь. Когда мы пишем о политике в части просвещения и самоорганизации научного сообщества, здесь не возникает конфликтов, это симпатично очень многим — от патриотов до государственных мужей. Но есть и другая политика, связанная с цивилизационным выбором. Кто мы: часть западной цивилизации (которая включает и значительную часть азиатских стран) или особый суверенный заповедник средневековья? Который умом не понять. Западные страны — стратегические враги или стратегические партнеры? И вот здесь проходит разлом, в том числе и по научному сообществу.

По редакции ТрВ этот разлом не проходит. Мы на одной стороне, и здесь надо произнести страшное слово: ТрВ — либеральная газета. «Либеральная» если понимать либерализм как приверженность некоему набору фундаментальных принципов, таких как примат человека над государством, всякие там права и свободы, — то, что закреплено в нашей Конституции, и то, на чем держится современная цивилизация. «Пятая колонна», одним словом. Не скрывая этого, мы теряем какую-то часть аудитории, но сохраняем самоуважение. И поддерживаем ту часть научного сообщества, которая ассоциирует себя с европейской культурой. Безусловно, в наше странное время на этих людей оказывается давление изо всех утюгов. Было бы нечестным и даже неэтичным не оказывать хоть какую-то моральную поддержку этой части научного сообщества, к которой во многом принадлежат и наши коллеги и у которой, по сути, нет иного ресурса.

Реальная угроза для газеты не политическая позиция, а голословность. Этим действительно страдают многие политизированные СМИ — версии преобладают над фактами, взгляды над исследованием, эмоции над профессионализмом. С этим бороться не так просто: авторам хочется высказаться, авторов переполняют чувства… Вот здесь и требуется твердая рука редакции. Именно по этой части мы готовы принимать претензии читателей.

Борис Штерн, Максим Борисов

в номере

Физик Борис Немцов
*Вспоминает **Лев Цимринг** — стр. 2*

Лицо российской науки
***Борис Штерн** поздравляет **Валерия Рубакова** — стр. 2*

Фундаментализм и ОПК
***Александр Сергеев** об оскорблении верующих и неверующих — стр. 2*

Ситуация в Крыму
***Научная жизнь на обломках СССР**. **Ольга Орлова** беседует с **Вячеславом Вдовиным**. — стр. 3–4*

Подвижник права и демократии
*О **Сергее Ковалёве** говорят его друзья и коллеги — стр. 6–7*

Dawn у Цереры
*Обзор **Алексея Паевского** — стр. 9*

Был ли отравлен полонием Ясир Арафат?
*Тайну раскрывает **Борис Жуйков** — стр. 11*

Физик Борис Немцов

Я вот не помню, как познакомился с Борей. Столько всего, что было потом, помню, а вот это — нет, не могу вспомнить. Как-то постепенно он вошел в мою жизнь. Мы были ровесниками и оба учились на радиофаке ГГУ, хоть я на курс раньше. Помню, как я поначалу обращал на него внимание со стороны, да и невозможно было не обратить: огромный, красивый, уверенный в себе, как сейчас мы это называем, cool. Ему было, в общем, плевать, что на нем надето, ходил в каких-то рваных свитерах. Однажды в мороз пришел на лекции в валенках. Девушки любили его всё равно, а может, еще и за это тоже. Помню их с его первой серьезной любовью — Инкой «Шляпой», это была сногсшибательная пара, как будто из какого-то иностранного фильма… А потом мы все-таки в какой-то момент познакомились. Может, через Павлика Милославского или Толика Абрашкина (они тогда дружили, Толик тогда еще, помню, песню сочинил с рефреном «Павля, сам-бля и Немцов»), а может через семинары по нелинейной физике, которые организовали у нас на старших курсах ипфановцы Андрей Басович и Толя Фабрикант. Несмотря на плейбойский вид и повадки, у Бори была абсолютно незаурядная голова и очевидная страсть к науке, это чувствовалось сразу. После окончания универа мы как-то сблизились еще больше. И по работе — как оказалось, нас в науке привлекали близкие вещи, — и в теннис часто играли в садике Свердлова, вместе тусовались… А потом я решил жениться на девушке, которую Боря хорошо знал, она была ближайшей подругой той самой «Шляпы», с которой Боря к тому времени уже давно расстался. Помню, как он меня на это «благословил»: во-первых, она, говорит, умная, а главное, не стерва, что в красивой женщине встречается крайне редко. И вот уже скоро 30 лет, как я каждый божий день (ну, почти каждый) убеждаюсь в его правоте и благодарю его за это напутствие.

В науке Борю всегда интересовали задачи, связанные с динамикой, движением, неустойчивостями. Я сейчас уже задним числом подумал, что в этом наверняка сказывался его неуемный человеческий характер, драйв. Как примеры могу упомянуть серию работ по неустойчивостям и излучению волн частицами и объектами, движущимися со сверхсветовыми скоростями в оптически плотных средах, в плазме, когерентное излучение акустических волн перегретым паром, эффекты эха при нелинейном взаимодействии волн и частиц в плазме. Он очень много работал, быстро и легко писал статьи и уже в 1985 году защитился. Где-то во второй половине 1980-х мы начали с ним вместе думать над одной увлекательной задачей про распространение локализованных возмущений в неустойчивых сдвиговых течениях, встречались в обеденный перерыв, часами сидели на подоконнике рядом с НИРФИнской столовкой и писали «на коленках» формулы. Мимо туда-сюда проходили коллеги и удивлялись: «Всё еще сидите? Ну-ну…» Потом мы с ним вместе ездили в Москву рассказывать про эту работу на семинаре у Гинзбурга. Я туда попал в первый (и последний) раз, а он-то у Гинзбурга бывал и раньше, ведь считался прямым наследником знаменитой школы Гинзбурга в Горьком — через своих научных руководителей Николая Денисова и Вилена Эйдмана, которые были его (Гинзбурга) прямыми учениками. И атмосфера этого уникального семинара, и вся эта наша совместная работа — одно из самых моих ярких научных воспоминаний, хотя, к сожалению, наша статья на эту тему так, по существу, и не увидела свет, вышла только в качестве ИПФАНовского препринта. Я собрался в Америку, занялся другими задачами, Боря увлекся политикой, так мы это дело и оставили…

В 1990-е наши пути по понятным причинам разошлись. Я в Россию тогда не приезжал, Боря делал головокружительную политическую карьеру, и мне неловко было искать с ним контакта, не хотелось ни его компрометировать «иностранными связями», ни создавать ложное впечатление, что мне от него чего-то нужно, я предполагал, и, думаю, небезосновательно, что в то время у него образовалось чрезвычайно много новых «старых друзей». А потом начались нулевые, Боря полетел со всех постов, а я стал изредка заглядывать в Россию. И мы «нашлись», стали опять общаться, не часто, конечно, но всё же виделись раза три за эти годы, иногда перезванивались и переписывались. Что меня поразило при первой встрече после долгого перерыва, году, наверное, 2004-м, это насколько мало он изменился. Такой же веселый, азартный, громогласный, не стесняющийся в выражениях, а главное, такой же теплый и светлый человек. Всё и всех помнил, всем интересовался, мы болтали так, как будто не было этих бурных десяти с лишним лет, чем только не наполненных для нас обоих. Чрезвычайно приятно было его таким найти.

Когда началась война на Украине, Боря был в ужасе. Я внимательно следил за его «постами» на «Фейсбуке», и пару раз мы это с ним обсуждали «в личке». Хотя, в отличие от многих других, Боря и в личке, и в «публичке» говорил, по существу, одно и то же, своих мнений не скрывал и душой не кривил. Так и писал, что его страна «ох… ела», что надежды на ее скорое выздоровление у него нет, но и уезжать из России он не собирается. Считал, что его репутация поставлена на карту и уехать — значит ее потерять. Переубедить его в этом было невозможно. Да и любил он Россию, любил по-настоящему, нравилось ему там жить. И дети его все там, и мама, и любимые им женщины. Настоящий был мужик, во всем.

У меня, естественно, были большие опасения за его безопасность, но я всё же надеялся, что давление будет нарастать постепенно, типа как на Навального. Того, что случилось, не мог представить и в страшном сне. И до сих пор не могу поверить в то, что его нет. Было у Бори такое любимое выражение в 1980-е, «чарующая безысходность». Безысходность — это то, что я сейчас чувствую. Только она совсем не чарующая. Тяжело очень. Очень.

Лев Цимринг

Лев Цимринг (www.levtsimring.com) родился в 1959 году в Саратове, с 1963 по 1991 год жил в Нижнем Новгороде (Горьком), с 1992 года в Сан-Диего (США), работает в Калифорнийском университете. В 1980 году закончил радиофизический факультет Горьковского государственного университета и поступил на работу в Институт прикладной физики АН СССР, занимался динамикой внутренних волн в океане и неустойчивостями гидродинамических течений. В 1985 году защитил кандидатскую диссертацию и продолжил работу в ИПФАНе. С начала 1990-х годов стал заниматься нелинейной динамикой, теорией хаоса, синхронизацией, самообразованием сложных пространственно-временных структур. В течение ряда лет интересовался динамикой гранулированных сред и совместно со своим коллегой Игорем Арансоном (тоже выпускником ГГУ и бывшим ИПФАНовцем) написал на эту тему монографию под названием «Granular Patterns». Последние десять лет занимается биологической физикой, изучает динамику внутриклеточных процессов. Автор более 160 научных работ, 4 патентов. Действительный член Американского физического общества.

Лицо российской науки

Фото с юбилейной презентации, подготовленной сотрудниками ИЯИ

На днях исполнилось 60 лет Валерию Рубакову. Пожалуй, самый выразительный комментарий в «Фейсбуке» по этому поводу: «Хорошо, что всего 60!» Почему я выделяю именно этот комментарий, скажу в конце, а пока немного общей информации.

Валерий Анатольевич Рубаков — физик, академик РАН, главный научный сотрудник Института ядерных исследований РАН, зав. кафедрой физфака МГУ, секретарь Секции ядерной физики РАН. Область интересов — физика частиц, теория поля, космология.

Наиболее известные результаты связаны с процессами, нарушающими барионное число (в том числе эффект Рубакова), с барионной асимметрией Вселенной, с физикой ранней Вселенной, с поиском альтернатив теории инфляции. Индекс цитирования по WoS — около 12 тысяч.

Теперь из личных впечатлений. Бывают люди, выдающиеся сразу во многих отношениях. Очень редко, но встречаются. Если свойства людей распределены по Гауссу, то Валерий представляет собой выброс как минимум на 5 сигма в положительную область. Оставим вклад Рубакова в физику для изданий типа УФН. А в этой заметке я бы предпочел сосредоточиться на остальном.

Зайдя в корпус теоретиков на «Питомнике» (так называется московская часть ИЯИ РАН, там когда-то был садовый питомник), попадаешь в атмосферу далеких славных времен, когда наука в стране была на подъеме. Всюду молодежь, никакой демографической катастрофы, как в остальной науке, нет и в помине, студенты, оживленные семинары, дискуссии за чаем (о науке, не о политике) и т.п. Это тоже эффект Рубакова — он своим потенциалом меняет окружающую среду. Вся эта молодежь (включая тех, кто уже не совсем молодежь) так или иначе заряжена Рубаковым. Не знаю, можно ли назвать это школой, я бы назвал скорее оазисом. Когда-то у нас было много таких оазисов, сейчас — единицы. Все они произрастают вокруг определенного человека.

Другая, не менее важная сторона Валерия Рубакова — медийная. Бывает, мне звонят из какой-нибудь передачи и просят рассказать что-нибудь о бозоне Хиггса, о перспективах Большого адронного коллайдера и т.п. Видимо, они думают, что раз уж я главред ТрВ, то должен всё это излагать как по нотам. Я отвечаю:

— А что ж вы Рубакова не позовете? Это же он у нас главный комментатор по этой части!

— Да он от нас не вылезает. Вот, буквально неделю назад был. Не можем же мы всё время на нем одном выезжать!

Не знаю, больше ли всех из ученых он выступает на ТВ и радио (в этом отношении перешибить, например, М.В. Ковальчука не так просто), но то, что выступает наиболее внятно из всех, — факт. И это не только популяризация науки. Множество его выступлений в эфире и в печати касается взаимоотношений между наукой, обществом и государством. Особенно много и порой резко Рубаков выступал в 2013 году, когда проводилась реформа РАН. Об этом еще скажу ниже, а сейчас хочу сделать достаточно сильное заявление. Мне кажется, Валерий Рубаков становится лицом российской науки. Не официальным лицом, а человеческим.

В позапрошлом году, когда только объявили реформу РАН, Валерий через три дня открыто заявил, что, если произойдет «перезагрузка» РАН, он не будет подавать заявления в новую академию. Потом таких «отказников» набралось 70 с чем-то и они образовали Клуб «1 июля». Не знаю, возник ли бы этот клуб, не стань Рубаков первым. Все-таки первым броситься в холодную воду на порядок сложнее, чем присоединиться. Естественно, Валерий стал одним из лидеров Клуба «1 июля», и не только его. Далее последовала Конференция научных работников, посвященная сопротивлению планам «реформирования» РАН, Комитет по контролю за реформой — Рубаков везде был на первых ролях, часами ведя шумные заседания «заговорщиков». Он же раздавал интервью в центре всех митингов в защиту Академии — согласованных (на площади Суворова) и не согласованных (у стен Государственной Думы). Валерий тогда признавался, что уже много месяцев ему не до науки. Что же, долг Гражданина требует жертв, главное, чтобы они были не напрасными.

Я слышал высказывания, что подобная деятельность — из серии «бодался теленок с дубом», что всё безнадежно и плетью обуха не перешибешь. Так-то оно так, но реформа пока пошла по самому мягкому сценарию из всех возможных (среди которых просматривались совсем катастрофические). К тому же появилась новая дееспособная общность научных работников. Так что не напрасно! Просто подобные усилия приводят не к явным победам, а к подспудным процессам, определяющим будущее.

Теперь наступило еще более мрачное время. Конечно, история возьмет свое, выберемся из этого мрака. Но это займет годы, возможно, многие годы. Выберемся, если с нами будут люди, которые не прогибаются, которым можно верить, которые с лихвой доказали свою состоятельность. Поэтому и хорошо, что Рубакову исполнилось всего 60. Осталось пожелать всем нам долгих лет жизни юбиляра.

Борис Штерн

Метель в марте

Александр Сергеев

Обозначив отказ от европейского пути развития, российское руководство направляет страну по пути автаркии. Такой выбор диктует поощрение охранительных настроений в обществе. Разного рода шовинисты, националисты, милитаристы выступают всё более агрессивно. И хотя прямой поддержки власть им пока не оказывает, она открыто опирается на консервативные религиозные круги, в первую очередь Русской православной церкви. Клерикалы пользуются этим для методичного наступления на науку, культуру, образование и прессу. Скандалы с карикатуристами и «Левиафаном» продолжились в начале весны преследованиями театральных постановок за «оскорбление чувств» соответственно митрополита Новосибирского и Бердского Тихона (опера «Тангейзер» по Вагнеру) и священника Свято-Михайловского собора Ижевской епархии Андрианова (спектакль «Метель» по повести Пушкина). Продолжается внедрение теологии в качестве «научной дисциплины» в вузы и очередной реинкарнации «закона божьего» в школы. Закрепив преподавание религиозных предметов в четвертом классе, религиозное лобби предполагает теперь распространить их практически на весть цикл обучения. В Сети активно собираются подписи против этих планов, но, оказывается, сами эти петиции могут быть объявлены «оскорбительными», а несогласным грозят не только судебными преследованиями, но порой и физической расправой. Свою обеспокоенность по поводу происходящего выразил в общедоступной «Группе поддержки комиссии РАН по борьбе с лженаукой» в «Фейсбуке» член этой комиссии ***Александр Сергеев*** *[1]. Мы представляем здесь авторизованную и дополненную компиляцию этих высказываний.*

«Оскорбление чувств»

Поразительно, насколько легко люди усматривают оскорбление в чужом мнении, отличном от их собственного. И, что характерно, чаще всего они оскорбляются не за себя, а за других. Между тем сама категория «оскорбления чувств верующих» является, по моему глубокому убеждению, агрессивным инструментом экспансии религиозной идеологии. Это было наглядно продемонстрировано не только парижским терактом, но и реакцией на него фундаменталистов большинства религиозных течений.

Если коротко, то смысл «оскорбляться» в том, чтобы принудить людей, не разделяющих религиозное учение, не просто терпеть его рядом, но еще и в своей жизни подчиняться каким-то его предписаниям, которые могут выглядеть для сторонних людей абсурдными или противоречить их собственным убеждениям. Тем самым постоянно подогревается напряженность вокруг религиозной проблематики, что и требуется экспансионистским религиозным идеологиям: любой конфликт служит им пиаром и скорее принесет какие-то выгоды (новых адептов, сплочение старых, уступки гражданского общества), чем приведет к существенным потерям.

Немаловажно и то, что объективными средствами проверить «факт оскорбленности» нельзя. В случае суда всё определяется симпатиями и антипатиями экспертов в отношении сторон конкретного «оскорбительного» конфликта. Поэтому признание законом права «оскорбляться в религиозных чувствах» и требовать сатисфакции подтачивает правовую систему, усиливая в ней роль субъективизма и иррациональности. Отсюда новые религиозные конфликты и рост вмешательства духовенства в гражданскую жизнь — ведь при желании в любой области можно усмотреть повод для того, чтобы «оскорбиться религиозными чувствами».

Отдельно замечу, что право «оскорбляться за чувства верующих» нарушает принцип равноправия верующих и неверующих, поскольку считается, что у последних нет «религиозных чувств», которые можно было бы оскорбить. (Хотя, казалось бы, почему ученым-атеистам не оскорбиться на признание теологии наукой? Ведь для них кафедра теологии в техническом университете — то же самое, что курс лекций по научному атеизму в храме.)

Воинствующие и атеисты

Религиозная экспансия под флагом защиты верующих от «оскорблений» вызывает естественное сопротивление в среде неверующих. Клерикалы эффективно утилизируют этот протест, обвиняя неверующих в «воинствующем атеизме», а сам атеизм стараются преподносить как особую религию, в которой «верят, что бога нет». Некоторые атеисты по наивности даже готовы на это согласиться. Но это очень сомнительный ход, поскольку признание атеизма религией (которой он, безусловно, не является) означало бы автоматический запрет на распространение атеистических взглядов в школе.

Что же касается «воинствующего атеизма», то это всего лишь изобретенный большевиками термин для обозначения государственной политики подавления религиозности. В нынешнее время в России, скорее, наоборот, восторжествовала государственная политика подавления атеизма. Поэтому выражение «воинствующий атеизм» встречается либо в порядке самоиронии, либо в качестве жупела для дискредитации атеизма. Подобно тому, как выражение «официальная наука» служит одним из маркеров лженауки, упоминание о «воинствующем атеизме» в России всерьез (а не в шутку) маркирует агрессивную религиозную идеологию.

Свежее подтверждение тому находим в опубликованной 5 марта на портале «Интерфакс-религия» статье протоиерея Всеволода Чаплина, отвечающего за пиар РПЦ МП [2]. В ней автор отождествляет гуманизм с воинствующим атеизмом, называет его «предтечей религии антихриста», то есть явно разжигает в единоверцах ненависть к атеистам и гуманистам и одновременно обозначает идейную готовность к ведению религиозных войн. Земная жизнь, по словам Чаплина, «для христианина… не имеет высшей ценности», а «приход к истине хотя бы части человечества важнее, чем „слезинка ребенка“». Говоря о массовых репрессиях советских времен, Чаплин специально подчеркивает, что осуждает их не потому, что они были направлены против невиновных людей, а потому, что применялись «в неправильных целях». Убивать же невиновных в правильных целях, например «перед лицом агрессивного навязывания иноверия или безбожия», совершенно нормально, — «богословски сомнительная» фраза Достоевского не должна останавливать настоящего христианина.

Лично мне трудно найти здесь принципиальные отличия от модели поведения террористов из «Исламского государства», которые устраивают массовые казни, жгут книги и уничтожают памятники тоже во имя борьбы с иноверием и безбожием. Фундаментализм — это всегда культ войны, какая бы религия или идеология ни была положена в его основу. Никакие уступки, сделанные обществом фундаментализму, не способны его умиротворить. И если говорить о религиозном фундаментализме в России, то линия противостояния с ним проходит сейчас по внедрению религиозного обучения в государственные светские школы и вузы.

Школа и религия

Формально курс ОРКСЭ (основ религиозных культур и светской этики — учебного предмета, включенного Минобрнауки в программу четвертого класса школы в качестве федерального компонента) преподносится как сугубо культурологический. Но фактически из многих школ сообщают, что курс ОПК (основ православной культуры; один из вариантов ОРКСЭ) превращается в преподавание религии. Такой результат был предсказуем и неизбежен, поскольку на уровне детского восприятия практически невозможно провести различие между изучением религии и религиозной культуры.

Рис. В. Богорада

Это различие не воспринимается даже большинством педагогов. Фактически оно упрощенно трактуется как запрет проводить на занятиях религиозные церемонии. Причем сам этот запрет многим кажется странным: если у нас урок православной культуры, то почему же не креститься, почему не молиться? Разве это не часть православной культуры? Странный запрет требует рационализации, то есть какого-то логического объяснения, поскольку законы и инструкции плохо работают, если не кажутся убедительными. Основные рационализации следующие:

1. Уроки ОПК — это теоретическая подготовка к религиозной практике, осуществляемой в церкви (вроде теоретических уроков по физкультуре): в школе учат тому, что не требует от учителя духовного сана, чтобы потом не тратить на эти азы время священников.

2. Запрет религиозной практики в школах — диверсия против русской духовности, заложенная в законодательство. Со временем это отменят, а пока надо внешне делать вид, что закон соблюдается, и на практике по возможности его обходить.

3. Это всё, что осталось от принципа светскости государства.

Сами можете оценить, какие из этих рационализаций являются наиболее ходовыми.

Каковы результаты? Учителя не могут (а часто и не хотят) отделить изучение религии от изучения религиозной культуры. Выбор религиозных модулей сплошь и рядом навязывается школьникам и родителям авторитетом педагогов или голосованием родительских собраний. При этом религиозные организации всё равно недовольны тем, как подаются их религии, так как их в полной мере устроит лишь преподавание вероучения, и они настойчиво предлагают свою миссионерскую помощь учителям и школьникам в форме факультативов. Наконец, авторы учебников не только игнорируют религиоведческую установку, занимаясь, как отметил один из наблюдателей, «имплицитной (скрытой, неявной) катехизацией», но и открыто миссионерствуют, рекламируя свои религиозные модули и призывая отказываться от курса светской этики, как, например, делает это Олег Воскресенский [3].

Повторю, всё это было предсказуемо и неизбежно, и, конечно, религиозные организации именно на такой поворот и рассчитывали. Чтобы проникнуть в школы со своим посланием, они готовы поиграть в толерантность, делая вид, будто речь идет о чисто культурологическом курсе. Но когда лиса уже проникла в курятник, она будет делать там то, что диктует ей ее природа, какие бы обещания ни давались за дверями.

Религия и государство

Конечно, курс ОПК (и шире ОРКСЭ) в государственной школе — прямое нарушение Конституции, где записано, что Россия является светским государством и что никакая религия не может быть объявлена государственной. Но демагоги возражают: мол, для соблюдения буквы Конституции достаточно просто *не называть* государство «религиозным» и *не объявлять* никакую религию «государственной». А вот действовать можно так, как будто государство является религиозным, — ведь про *действия* в Конституции ничего не сказано.

Нельзя объявлять религии «государственными»? Ну и не надо — четыре религии объявлены «традиционными». И это не просто их описание, это статус, зафиксированный в законе и значимый на уровне государственной политики. То есть де факто это именно государственные религии. Просто Конституция запрещает их так называть. Аналогично — с финансированием религиозных организаций. Конституция объявляет государство светским, но она ведь формально не запрещает власти передавать церкви деньги, землю и другую госсобственность или предоставлять ей место в государственных образовательных организациях для ведения миссионерской деятельности, пусть (пока) и факультативно.

Если бы в России существовали независимые суды, все эти нарушения Конституции можно было бы пресечь. Но фактически суды находятся в полной зависимости от власти и трактуют Конституцию в соответствии с ее политикой. В этих условиях пресечь ползучий антиконституционный теократический переворот невозможно. Но, по крайней мере, его можно констатировать.

И тут важно подчеркнуть, что это нарушение Конституции совершается вовсе не в интересах верующих. Подобное преподавание религии выводит ее из сферы лично-духовного в план общественно-политического. Из частного семейного дела религия становится фактором академической успеваемости. Из средства личностного роста она превращается в инструмент достижения социального успеха.

Этим дискредитируется и коррумпируется та морально-этическая нагрузка, которая присутствует в религиозных учениях. (Не будем сейчас затевать спор, насколько хороши религии в качестве носителей этики, — в том или ином виде этический посыл они содержат.) Фактически, беря религию под свое крыло и навязывая религиозное образование, государство подрывает статус религий как этических ориентиров, превращая их в еще один инструмент государственной политики, для эффективной работы с которым нужны не этика и духовность, а конформизм и цинизм.

Избавиться от всех этих негативных явлений можно только одним способом: полностью вывести обучение религиозным доктринам за рамки государственной школы. Свободу совести каждый реализует самостоятельно: поступает в духовную семинарию или медресе, посещает воскресную школу и т.п. Всё это должно быть вне ведения государства. Идея за государственный счет организовать религиозное обучение каждого школьника своей религии нарушает принцип нерелигиозности (светскости) государства, а также право на свободу совести неверующих и религиозных меньшинств (не относящихся к привилегированным «традиционным» религиям или просто малораспространенных в данной местности).

Всё это совсем не новость, и уже век назад стало ясно, что в полиэтнических странах принцип отделения церкви от государства необходим для стабильного религиозного мира. Отказываясь сейчас от этого принципа ради тактических преимуществ, которые дает политическая поддержка религиозных фундаменталистов, российская власть дестабилизирует государство и уже скоро может вдобавок к экономическим, политическим и национальным проблемам получить всплеск религиозного экстремизма.

1. www.facebook.com/groups/klnran/688259791285228/

2. www.interfax-religion.ru/?act=analysis&div=214

3. www.youtube.com/watch?v=0_2m7xMKH7U

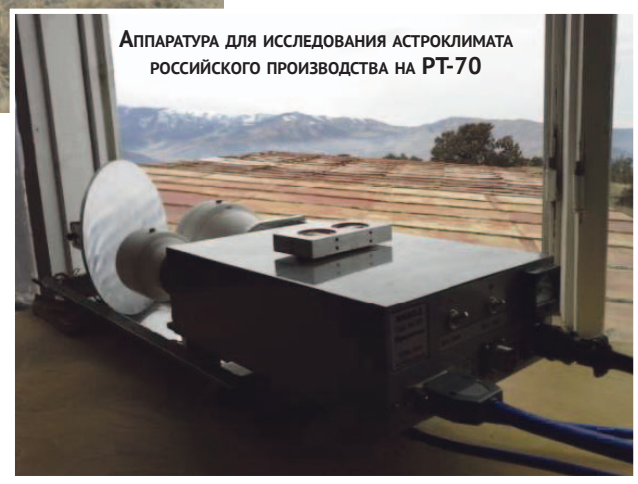
Фото из отчета В. Вдовина

Наука после СССР

Институты в Севастополе отразили рейдерский захват

В Узбекистане на плато Суффа стоит камень. На нем надпись: «Волею партии, желанием народа здесь будет сооружен радиотелескоп. Заложен в мае 1981 года». После распада СССР проект остался в ведении Узбекской академии наук и был заморожен. И вот теперь 35 лет спустя российские и узбекские физики вновь заговорили о строительстве радиотелескопа.

Так что же происходит с наукой на постсоветском пространстве? В Средней Азии, Украине, Крыму? Об этом научный журналист ***Ольга Орлова*** *беседует с докт. физ.-мат. наук, ведущим научным сотрудником Института прикладной физики РАН и Физического института им. Лебедева РАН, вице-президентом Всемирной ассоциации научных работников* ***Вячеславом Вдовиным****.*



Аппаратура для исследования астроклимата российского производства на РТ-70

Радиотелескоп в Узбекистане

— Вячеслав, Вы возглавляли научную делегацию, которая поехала в Узбекистан обсудить возрождение проекта в Суффе. Зачем понадобился радиотелескоп в Узбекистане?

— Я возглавлял экспедицию трех организаций — ИПФАН, ФИАН и Нижегородского технического университета — с целью исследования астроклимата и формирования новых задач, поскольку, действительно, Вы правы, за 35 лет много чего изменилось и в понимании объекта исследований, и в технике. И грешным делом я сначала тоже очень сомневался, можно ли там что-то делать. И мы знаем прекрасно, что есть немало оппонентов у этого проекта здесь, в России. Говорят: «Да что вы, ребята? Разве можно?! Там в Узбекистане всё рухнуло».

Но я человек практического толка, я люблю посмотреть своими глазами, поэтому мы с удовольствием поехали в Узбекистан и убедились, что на самом деле всё не так плохо, как могло показаться издалека, отсюда из России. Есть группы энтузиастов, возглавляемые Геннадием Ивановичем Шаниным, он сам гражданин Узбекистана, а команда у него интернациональная: узбеки, татары и русские, естественно.

— Они представители Узбекской академии наук?

Да, это Узбекская академия наук. И они все эти 22 года поддерживают активность на этой площадке. Они не дали что-либо растащить, разграбить. Это тоже великое дело. Всё, что было построено, оно оказалось во вполне пригодном состоянии. За эти годы провели экспертизу. В принципе сосчитали, много ли нужно денег на достройку. Деньги вполне разумные. И, на наш взгляд…

— Каких денег потребует этот проект?

— Порядка 50 млн долларов. Это не такие большие деньги, причем, один из моих партнеров, Тайс де Грау, который был директором обсерватории ALMA в Чили, сказал: «Если мне дадут 40 млн, я за 40 дострою». Так что в принципе здесь есть повод поторговаться, подумать. Но наша цель была поисследовать астроклимат, то, что сейчас ведется совместно с нашими узбекскими коллегами. И мы поняли, что, во-первых, сам 70-метровый грандиозный телескоп, который предполагался, что будет работать до очень коротких волн, наверное, один из выводов…

— Вы говорите о том телескопе, который был задуман в 1981 году, когда планировалось строительство?

— Совершенно верно, и теперь этот телескоп 70 м диаметром будет достроен. Надеюсь, что в разумные сроки. Мы ждем этого поручения. И я надеюсь, что всё это будет сделано. Узбекская сторона, по крайней мере, готова внести свой вклад. У них тоже есть некая роль: они должны обеспечить инфраструктуру. Инфраструктура уже сейчас развивается. Хотя, конечно, не без проблем, но, тем не менее, энергетика, по крайней мере, подведена, дороги…

— Но глядя из Москвы, кажется, что никакой инфраструктуры в тех местах нет и быть не может. До нас доходят такие вести. Всё, что осталось от Советского Союза, должно быть разрушено, поддерживать не на что, и как там можно такой проект затевать, который и в условиях Центральной России очень непросто было бы сделать? А на что же Вы надеетесь?

— Отчасти Вы правы. Проблемы большие, серьезные. Но тут некоторый элемент везения. Дело в том, что плато Суффа находится в пограничной зоне между Узбекистаном и Таджикистаном. И там хорошо налажена инфраструктура в силу того, что есть военные, есть пограничники, есть надежная охрана. То есть там всё построено. И для них, в общем-то, сделана и энергетика, и дороги, и всё остальное. Есть мелкие проблемы, но на уровне… водопровод, который был построен в советские годы, — его надо менять. Сейчас эти работы ведут. Есть проблемы с общестроительными работами. Но, повторюсь, проект готов, проект может быть реализован. И если будут соответствующие вложения и с нашей стороны, и с узбекской, проект представляется весьма реалистичным.

— А в чем Ваш научный интерес? Ведь у нас есть радиотелескопы на территории России.

— Есть особенность того, что произошло с астрономией за последние годы. Астрономия, как мы знаем, здесь пример очень хороший: наши партнеры из специальной астрофизической обсерватории на Кавказе в Нижнем Архызе. Есть радиотелескоп, работающий до длин волн примерно 3 мм. Есть оптический телескоп БТА. А вот всё, что между ними, то, что сейчас называется модным словом «терагерцовые волны», — оно сейчас стало полем большого интереса астрономов, но на самом деле оно пока не покрыто. И инструментов этого диапазона в России на сегодня нет, просто не существует. Наиболее близкие к нему — это инструменты МВТУ им. Баумана здесь под Дмитровым. Но это небольшие зеркала 7,5 м.

И астроклимат — как раз то самое поглощение в атмосфере — слишком велико в Подмосковье. И вести астрономические наблюдения отсюда почти невозможно. Нужно оторваться от этой атмосферы, от влияния поглощения воды и других компонент. И поэтому всегда терагерцовые астрономы норовят либо улететь в космос (этим занимается наш проект «Миллиметрон» в ФИАН), либо забраться на шар (этим тоже мы занимались на Шпицбергене с нашими партнерами из Италии), либо уйти куда-нибудь в горы. Атакама — 5 км с лишним высота — и там атмосфера достаточно хороша для этого диапазона. У нас в же в России, к сожалению, с этими километрами получается плохо. И вот наша команда занималась поиском мест, где же можно поставить терагерцовый телескоп.

Так вот, к сожалению, то плато Суффа на самом деле оказалось не очень продуктивным для этого диапазона. Оно, представляете, что-то вроде чаши. И влага, которая стекает с гор, всё равно покрывает это поле, и, соответственно, терагерцовые наблюдения там неперспективны.

Мы даже, более того, уже сформулировали рекомендацию конструкторам, что не нужно вылизывать качество поверхности 70-метрового зеркала до состояния такого, что можно наблюдать на длине волны в 1 мм. Дело в том, что качество шероховатости должно быть соизмеримо с длиной волны, вернее, во много раз меньше. Поэтому, когда мы говорим про длину волны в 1 мм, мы должны обеспечить микронные точности поверхности.

Ясно, что на 1 мм наблюдать с самого нагорья Суффа бессмысленно. Нужно чуть-чуть подняться на соседние горки. И это совсем несложно — метров 500. Но зато там атмосфера почти наверняка прозрачная. Но это мы сейчас будем измерять с нашими партнерами из Узбекистана. Мы оставили им прибор. Они сейчас с этим прибором заберутся на эти горы и посмотрят, куда можно затащить не очень большой телескоп терагерцовый. То есть, понимаете, эта обсерватория будет скорее всего не с одним инструментом, а будет целый ряд инструментов, один из которых, я надеюсь, будет в более высокочастотном диапазоне.

— А за чем там будут наблюдать? Что будут искать?

— Наблюдать здесь очень много чего можно. Особенно если удастся как-то расправиться с влиянием атмосферы. Я сам не астроном, поэтому я только с большим вниманием слушаю наших астрономов, и я поражаюсь, как взрослые люди могут быть такими дивными фантазерами. Но мне очень хочется помочь в реализации этих фантазий. И я стараюсь заниматься разработкой аппаратуры, которая позволит это сделать. Одна из моделей, которая меня очень впечатлила: наши астрономы утверждают, что не все черные дыры есть черные дыры, а некоторые из них — кротовые норы. А кротовая нора — это не просто нора, это окошко в чужую вселенную. И вот Вы представляете, как заманчиво создать инструмент, который заглянет в чужую вселенную?!

— Вы хотите сказать, что на плато Суффа могут быть наблюдения такого типа? Там же наблюдения другого типа должны быть?

— Не совсем так. Там, конечно же, обширный перечень для этого инструмента задач, которые будут решаться сугубо на нем. И с этой задачей это никак не связано. Но есть другой проект, весьма амбициозный на сегодняшний день, который ведет Физический институт имени Лебедева со всей нашей космической отраслью. Он включен в космическую федеральную программу. То есть это проект «Миллиметрон».

— Но «Миллиметрон» — это же наблюдения из космоса…

— А вот и нет. Особенность «Миллиметрона» состоит в том, что у него есть еще один уникальный режим — режим интерферометра со сверхдлинной базой. Итак, мы имеем «Миллиметрон», находящийся на расстоянии 1,5 млн км, и вы имеете инструмент на Земле, который работает с ним в паре и смотрит на один и тот же объект. Такое потрясающее расстояние между двумя глазами позволяет реализовать фантастическое разрешение, которое, может быть, и даст возможность заглянуть в эту кротовью нору.

Наука экс-СССР

— Теперь я хочу Вас спросить уже как вице-президента Всемирной федерации научных работников: Вы много ездите не только по стране, но и по республикам бывшего Советского Союза и по другим странам. У Вас есть какая-то картина, как сейчас выглядят научные центры на постсоветском пространстве?

— Картина, безусловно, неровная, как она была неровной и в советские времена. Более-менее понятно, что сила науки в регионах была различна. ▶

Вячеслав Фёдорович Вдовин родился в 1956 году в городе Бор Горьковской области. В 1978 году окончил Горьковский политехнический институт. Еще студентом начал работать в Институте прикладной физики АН. Прошел путь от лаборанта до ведущего научного сотрудника. В 1993 году защитил кандидатскую диссертацию. В 2006 году получил степень доктора наук по специальности «Приборы и методы экспериментальной физики». С 2008 года работает по совместительству ведущим научным сотрудником в Астрокосмическом центре ФИАН, сотрудничая с группами, развивающими проекты космических и наземных радиотелескопов «Миллиметрон» и «Суффа». С 2006 по 2011 год возглавлял профсоюз работников РАН. Сейчас руководит Нижегородской организацией академических профсоюзов. В 2008 году избран вице-президентом Всемирной федерации научных работников. С 2013-го — член Комиссии по общественному контролю за реформой в сфере науки.

► Понятно, что, скажем, украинская наука имела и имеет высочайший уровень. И Борис Евгеньевич Патон, несмотря на преклонный возраст, обладает уникальным авторитетом во всей Украине. И уровень там совершенно высокий. Мы до сих пор с удовольствием сотрудничаем, общаемся с нашими партнерами и в Киеве, и в Харькове. Но в силу последних событий несколько снизился уровень общения с нашими партнерами, в частности, из Харькова, там слишком неспокойно. Но с киевлянами, скажем, мы продолжаем общение, продолжаем совместные проекты, работаем. То есть это хорошая, добротная наука, которая была, есть и, я надеюсь, будет. Будем им желать успеха. Сейчас, конечно, они переживают не самые простые времена. Будем надеяться, что все-таки это быстро закончится.

Белорусская наука — это тоже замечательный образец. И в советские годы они были больше заточены на прикладные исследования. И они этим сейчас занимаются. Это действительно добротная, хорошая наука. И она, повторюсь, как была, так и осталась в очень хорошем состоянии.

Есть ряд республик, где науку очень серьезно потрепали, очень серьезно ущемили. Это, кстати сказать, и наш любимый Казахстан, и Грузия. То есть там были серьезные проблемы. Но там проблемы связаны где-то, может быть, с не очень разумной политикой, чаще это связано с проблемами финансирования. Поэтому тут есть сложности.

Прибалтика. Мы с ними довольно много работали. И, более того, сейчас продолжаем общаться. Сейчас продолжаем взаимодействовать. С Прибалтикой произошло то, что примерно с Германией, когда их объединили: то, что было востребовано и вписывалось, было вписано, а то, что было не очень хорошо, то умерло.

— Что в прибалтийских республиках в научном смысле развивается?

— Те люди, с кем мы работали, — это была и техника СВЧ, это было всевозможное приборостроение. Эти люди все сохранились. Каунас, Вильнюс… Они нашли рынки на Западе и вполне себе существуют, причем вполне разумным образом. Особо мне хотелось бы остановиться на Средней Азии. Я подробно Вам рассказал…

— Пока, наверное, про Среднюю Азию знаем меньше всего, что происходит с учеными там.

— Про Узбекистан я Вам уже сказал. Здесь очень важно, чтобы Россия не ушла. Потому что если мы бросим этих людей, то это будет большой грех на нашей совести. Нельзя их бросать! И я думаю, что мы здесь все-таки достигнем понимания. Все-таки, понимаете, Узбекистан — это наиболее светская страна Средней Азии. И мне кажется, что нельзя оттуда уходить даже по геополитическим соображениям. Наука связывает людей. Наука и есть тот мостик, который позволяет достичь взаимопонимания. Мне кажется, это ее важная роль.

Так вот, есть еще одно место, которое я своими глазами видел, — это Киргизия. И Киргизия, конечно, — это бедная республика, там была куча революций. Мы получили вместе с нашими киргизскими партнерами… Это был 2004 год, и это был совершенно потрясающий успех в том, как мы истратили всего 300 тыс. долларов. В общем, по московским меркам копейки. Мы заявили, что мы построим на берегу Иссык-Куля обсерваторию, которая будет заниматься исследованием озоновых линий в атмосфере (это атмосферная обсерватория, не астрономическая), и оснастим ее оборудованием. В итоге эти 300 тыс. долларов были поделены между тремя коллективами. Наши киргизские партнеры построили обсерваторию и обеспечили ее инфраструктуру на 100 тыс. Мы, соответственно, идеологию и разработку. И наши партнеры из Росатома — там крепкие коллективы, хорошо оснащенные, в частности, это НИИИС Нижегородский, — за свою скромную толику (я боюсь, что себе в убыток) сделали прибор, который и работает по сию пору.

Конечно, это всё благодаря энтузиазму тогдашнего директора Института физики национальной Академии наук, Токтосуна Орзабаковича Орзабакова. К сожалению, год назад он ушел от нас.

Но дальше, когда я докладывал на коллегии Росатома об итогах этой работы, нам тут же продлили этот грант и дали еще денег, потому что, как же, говорят, так, там две революции за это время произошло, а вы сумели построить, сделать и ввести в строй… Всё строится и всё делается людьми. И эти люди еще пока есть в этих республиках, которые понимают, могут.

Ситуация в Крыму

— Вячеслав, Вы ездили в Крым, известно, что там довольно сложная ситуация сложилась с научными институтами…

— Наши крымские партнеры реально сумели сохранить уровень науки, который там был, сумели сохранить основные инструменты. И мы с ними взаимодействовали и пока они были Украиной, у нас даже буквально два года назад был совместный грант РФФИ и украинского фонда. Но нам было трудно его доделывать, поскольку всё тут развалилось, и здесь вышла некая неудача. Но вместе с тем сейчас времена изменились. Мы, конечно, очень надеялись, что новые времена принесут нам новые возможности раскрутиться, потому что и инструмент в Кацивели, вот этот РТ-22, и уникальный евпаторийский комплекс — это потрясающие вещи. Есть на Кара-Даге инструменты… В общем, мы смотрели с большим оптимизмом. Причем я говорю «мы» — люди, занимающиеся этой отраслью науки.

Но там, Вы понимаете, есть и археология… Чего там только нет. Но, к сожалению, я должен сказать, что переход под российскую юрисдикцию прошел отнюдь не безболезненно. Переходный прошлый год прошел. И выяснилось, что за этот переходный год и наше традиционное российское головотяпство, и вообще объективные сложности привели к тому, что, наверное, у всех на слуху проблема севастопольских институтов.

— Два севастопольских института оказались в бедственном положении. Хотя было же поручение президента на эту тему. Что должно было произойти с этими институтами? На их основе должны были быть образованы российские юридические лица?

— Совершенно верно, да. И они должны были уйти под юрисдикцию ФАНО, как это и произошло со всеми нами. Но, к сожалению, некое, может быть, непонимание, может быть, пассивность руководителей этих институтов привела к тому, что за этот переходный год российские юридические лица не были созданы. Получается так, что уже с января этого года при отсутствии юридических лиц нет механизма выплаты зарплаты, нет механизма получения бюджета.

— То есть с января этого года научные сотрудники не могут получать ни российскую, ни украинскую зарплату? Естественно, их не финансирует Украина. Но, с другой стороны, их не финансирует Россия.

— Нет, ФАНО выделило ресурсы на содержание этих институтов и даже продумало некую схему. Вся коллизия, на мой взгляд, сильно напоминает известную вещь, что дорога в ад вымощена благими намерениями. Было благое намерение найти механизм и профинансировать эти институты. Но реализация была из рук вон отвратительна. Решили, что есть тут у нас в Сочи небольшой институтик, там два десятка человек, давайте мы этому институтику перебросим эти деньги, у них есть юридическое лицо — филиал в Крыму. И все к нему вольются и получат денежки. Дальше всё это было сделано совершенно безобразно с точки зрения, вообще говоря, общения с научными коллективами.

— То есть была придумана временная схема финансирования севастопольских институтов через Научно-исследовательский центр в Сочи Российской академии наук?

— Да, там два десятка человек и довольно специфические сферы деятельности. Поэтому говорить о том, что это какой-то серьезный альянс на перспективу что-то даст, не приходилось. То есть эту схему надо было подать людям так, что, уважаемые коллеги, это временная схема. Пока вы тут создаете, давайте мы хотя бы так вам дадим зарплату. Но руководитель этого сочинского института…

— Руководит институтом Марат Амирханов?

— Да, совершенно верно. Он совершенно бестактным образом пришел и сказал: так, ребята, всё, пишите заявление об уходе оттуда, пишите заявление о приходе ко мне, вы все тут у меня будете, вы у меня будете работать, я вас, пожалуй, не возьму. То есть народ…

— То есть небольшой научный центр решил захватить развитые институты Севастополя.

— Существенно бóльшие. И эта ситуация сильно напоминала рейдерский захват. И люди, естественно, возмутились. Мы здесь по полной программе, естественно, поддержали наших коллег. И шум в СМИ, который поднят сейчас, услышан на самом верху. Возникнут самостоятельные юрлица. Там есть вариант, что будет одно юрлицо, но не под сочинским филиалом, а будет самостоятельное юрлицо. И они будут существовать так же, как мы. И я надеюсь, что проблемы этих двух институтов будут решены в ближайшее время.

— Но ведь там же есть еще замечательный совершенно Институт археологии в Крыму. У этого института сейчас большие проблемы не только с финансированием и с юридическим статусом, а вообще с дальнейшим существованием.

— Вы совершенно правы. Эта рафинированная ситуация с севастопольскими институтами немножечко затенила и от нашего внимания, и, кстати, от внимания нашего профсоюза в Крыму. Ее возглавляет Александр Кубряков, он сам житель Севастополя, а Вы знаете, что Крым — это два субъекта: Севастополь и Крым. Они идут немножко по разным путям, разные немножко бюрократии, разные решения. И казалось, что крымские институты — а их там больше десятка — решат свои проблемы разумным образом. Вроде там всё как-то улаживалось. А вот с Севастополем вышла накладка. Так вот, сейчас мы взглянули, оказывается, всё действительно не так, и не только с Археологическим институтом, про что Вы сказали. У всех есть трудности, причем пошел некий передел этого имущественного комплекса. Этот комплекс был закреплен за Украинской академией наук. А теперь заповедник там… какие-то эти наши то ли сельхоз там хочет прибрать, то ли еще кто. То есть, в общем, началось растаскивание этих объектов.

Я очень надеюсь, что и здесь мы тоже разберемся с этой ситуацией, постараемся донести ее до властей и не дадим это растаскивание, эту ликвидацию осуществить по факту. Хотя «напряженка» определенная есть. Я очень надеюсь, что здесь мы просто будем работать плотно с нашими крымскими коллегами. Меня это тоже очень пугает, что всё это может быстро разбежаться по разным министерствам и ведомствам, а дальше всё что угодно.

— По Вашему опыту поездок в другие страны: в каких странах ученым жить лучше всего?

— Итак, если оборудование и деньги, то США. Если условия для жизни, то Франция и Испания. Условия для работы — Швеция и Финляндия. Но вообще-то дома лучше.

— Поскольку вся Ваша жизнь связана с научным приборостроением, расскажите, какой самый странный или удивительный научный прибор Вы встречали в своей жизни?

— Наверное, левитирующей лягушкой никого не удивишь, а я бы хотел предложить интересную вещь. Помоему, и у нас в «Экспериментаниуме»… но я видел в Парижском музее науки экспериментальную модель черной дыры. Это такая воронка, в которую запускаешь монетку, она бежит по кругу и исчезает. Замечательный аттракцион. Никогда деньги не возвращаются.

— Ваша научная мечта?

— Научная мечта — чтобы все-таки «Суффа» заработала. И на ней был наш прибор. И чтоб «Миллиметрон» полетел. И мы стояли в Байконуре и смотрели, как он взлетает. ◆

ЗНАТОК НА ПРАКТИКЕ. СИДНЕВУ — 60 ЛЕТ

Виктора Сиднева знает вся страна, про него подробно пишет «Википедия». Но лучше всего его знают в Троицке, где он прожил практически всю жизнь (не считая детства в Ярославле и студенчества в МФТИ).

Восемь лет человек, которой,на наш взгляд, не очень любит власть (в прямом и переносном смысле), руководил Троицком. Наверно, такой город только такой человек и мог возглавлять. Они очень подходили друг другу. Троицк не уникален, но свою аутентичность под боком у такого монстра, как Москва, сохранял долго и не в последнюю очередь благодаря своему мэру. Более того, статус наукограда он получил именно в эти годы. Сиднев, как человек «системы», не той, которая сейчас царствует в стране, а в лучшем смысле этого слова, создал в одном конкретно взятом государственном субъекте реально действующую, по-настоящему государственную структуру. Может быть, поэтому Москва и посчитала необходимым во избежание дальнейших «преНцеНдентов» объединиться с Троицком.

Виктор Сиднев ушел с поста главы города добровольно (помните, когда последний раз такое было?), передав бразды правления демократическим способом в руки ближайшему соратнику. В любой ситуации он оставался интересным, эрудированным, ответственным, незаурядным человеком, способным увлечь и повести за собой.

Кому там, НАВЕРХУ, объяснить, что это не только юбилейная здравица? Ну, не умеет наша страна использовать свой потенциал…

И. М.

Подвижник права и демократии

Сергею Ковалёву — 85 лет

Александр Даниэль, науч. сотр. общества «Мемориал»:

Больше сорока лет Сергей Ковалёв весомо присутствует в моей жизни — и я ощущаю это присутствие как одну из самых больших удач. Мы дружим, спорим, ругаемся, время от времени вместе работаем вот уже четыре десятилетия.

Ковалёв — один из тех редких и совершенно необходимых нам всем людей, которые всегда, в любых обстоятельствах и при всех жизненных перипетиях, равны сами себе. Сегодня, в дни его юбилея, я думаю о природе этого феномена.

Трижды в своей жизни он коренным образом «менял ипостаси». Он был ученым-биологом; диссидентом-правозащитником; общественным и политическим деятелем, занимавшим важные государственные посты (впрочем, без малейших колебаний ушел оттуда, когда, на его взгляд, это потеряло смысл). Как называется тот стержень, который позволил Ковалёву при всех этих резких переменах всегда оставаться самим собой? Однажды, говоря о специфике научного мышления, он сам ответил на этот вопрос. «Два главных требования, которые предъявляет к человеку наука, — сказал он, — это, во-первых, интеллектуальная честность и, во-вторых, интеллектуальное бесстрашие». Не помню точно, его ли это была мысль; возможно, он процитировал какую-то фразу Сахарова. Но это неважно: данная формула применима к обоим. Так или иначе, оба они люди науки и, сменив род занятий, всё равно остались людьми науки — и в общественной деятельности, и даже в политике. Мало кому это удавалось. Им удалось.

...А можно сказать и проще.

В середине 1960-х поэт Юрий Айхенвальд (впоследствии — близкий друг Ковалёва) готовил для театра «Современник» новый перевод пьесы Ростана «Сирано де Бержерак». Там в одном из монологов Сирано есть такие строчки (боюсь, впрочем, что они принадлежат не столько Ростану, сколько самому Айхенвальду):

Да, я понял железную логику века,
Где ни Дьявол, ни Бог никого не спасут.
Я спасу не себя. Я спасаю пример человека,
Для которого совесть — единственный праведный суд.

Таков Сергей Ковалёв.

Лев Розоноэр, докт. техн. наук, до 1996 года главн. науч. сотр. ИПУ РАН, ныне пенсионер, проживает в Бостоне (США):

Вспоминаю, что Михаил Львович Цетлин (работавший с Гельфандом) считал Ковалёва одним из самых талантливых биофизиков. Я помню это потому, что Цетлин просил меня оппонировать диссертацию Ковалёва. Разумеется, я согласился, и работа мне понравилась настолько, что, как я помню, не отметил ни одного существенного недостатка. Правда, больше ничего не помню, даже темы диссертации. Защита была в Пущино и прошла, насколько я помню, блестяще.

Жаль, что запоминаются не относящиеся к делу детали вроде того, что везла меня в Пущино на машине Тата Харитон. К сожалению, ничего важного больше сообщить не могу...

Алексей Семёнов, зав. лабораторией НИИ физико-химической биологии им. А.Н. Белозёрского МГУ:

Для меня и моих друзей Сергей Адамович был и остается примером человека высочайших нравственно-этических норм. Я считаю, что Ковалёв и его друг, недавно ушедший из жизни математик Александр Павлович Лавут, были ближе всех по своим взглядам к Андрею Дмитриевичу Сахарову.

Я помню Сергея Адамовича с 1961 года; в это время он работал в только что организованной И.М. Гельфандом биологической лаборатории в Институте биофизики. В этой лаборатории работало также много ярких и неординарных личностей — И.А. Кедер, Л.М. Чайлахян, Ю.И. Аршавский, М.Б. Беркинблит, В.В. Смолянинов, И.М. Родионов, А.Г. Фельдман, Т.Ю. Харитон и другие.

Аспирантура, кафедра биофизики МГУ, 1955 год

Хочу напомнить об одной важной для развития отечественной биологии истории, в которой Сергей Адамович сыграл существенную роль. В конце 1965 года по предложению философа Ю.Н. Семёнова и его жены Т.Ю. Харитон Ковалёв и двое его коллег — М.Б. Беркинблит и Л.М. Чайлахян — были привлечены к работе над статьей, направленной против Трофима Лысенко, нанесшего непоправимый ущерб биологии в СССР. В этот период, примерно через год после «Октябрьского переворота» 1964 года, приведшего к смещению Никиты Хрущёва, позиция нового руководства по отношению к Лысенко еще не определилась. В это время ходили упорные слухи о реабилитации Сталина и об усилении роли Лысенко. В такой ситуации необходимость опубликования антилысенковской статьи для многих ученых была очевидна. Роль автора такой статьи взял на себя академик Н.Н. Семёнов. В работе над статьей должны были участвовать биологи, на которых можно было положиться. Таким образом, кандидаты биологических наук Ковалёв, Беркинблит и Чайлахян вместе с Н.Н. Семёновым более двух месяцев работали над статьей. Работу должны были опубликовать в главной официальной газете страны — «Правде» — под заголовком «Наука и лженаука». Общенаучное начало статьи, содержащее правильную формулировку задач, написал Ю.Н. Семёнов, а журналистский лоск на нее навел известный журналист-«известинец» А.А. Аграновский. Однако в последний момент по решению секретариата ЦК КПСС статья была изъята из печати. Только через несколько месяцев эту статью под названием «Наука не терпит субъективизма» удалось опубликовать в журнале «Наука и жизнь». Но даже сам факт этой публикации в известном научно-популярном журнале сыграл важную роль в окончании карьеры Лысенко. Через некоторое время, несмотря на отчаянное сопротивление сторонников «народного академика», которых было немало среди тогдашних функционеров, Лысенко был снят с поста директора Института генетики и вскоре потерял влияние. Началось медленное возрождение биологии в СССР.

Мне представляется, что для С.А. Ковалёва этот эпизод был одним из первых в его опыте борьбы с несправедливостями системы. Через несколько лет он всерьез занялся правозащитной деятельностью, что привело вначале к его увольнению с работы, а затем к аресту в конце 1974 года и десятилетнему пребыванию в лагере и ссылке. Сейчас Сергей Адамович — один из самых авторитетных правозащитников. Дай бог здоровья и долгих лет жизни этому замечательному человеку!

С А.Д. Сахаровым

Борис Альтшулер, физик-теоретик, член Московской Хельсинкской группы, председатель правления РОО «Право ребенка»:

В своих выступлениях Сергей Ковалёв не раз подчеркивал, что главным движущим мотивом правозащитников во времена СССР «было острое ощущение нравственной несовместимости с режимом». Помню, как ехал в метро в начале 1980 года с Татьяной Осиповой (правозащитник, с 1979 года — жена Ивана Ковалёва и тем самым невестка Сергея Ковалёва, арестована в мае 1980-го) и как она, глядя на пассажиров, говорила: «Я не понимаю, как можно спокойно жить, если прямо сейчас, сегодня творится этот ужас карательной психиатрии. Ведь это всем известно, об этом каждый день говорят по радио». Нет, она не обвиняла соседей по вагону метро. Но она НЕ ПОНИМАЛА. В своем последнем слове на суде в апреле 1981 года Татьяна Осипова сказала ключевые для правозащитного движения слова: «Правозащитники никогда не прибегали и не прибегают к насилию и единственным своим оружием считают гласность». Или метафорически: «Противление злу ненасилием», — по определению другого правозащитника Леонарда Терновского.

И возникает естественный вопрос: как могло получиться, что этот сугубо ненасильственный нравственный порыв, по сути, изменил лицо мира и предотвратил совершенно реальную угрозу самоуничтожения человечества в термоядерной войне? О прямой связи защиты прав человека и международной безопасности ясно сказал Сахаров в Нобелевской лекции 1975 года. Андрей Дмитриевич хорошо понимал, что ядерное «равновесие страха», которое действительно в течение десятилетий предотвращало третью мировую войну, объективно становится всё более неустойчивым по мере наращивания противостоящих ядерных сил, что катастрофически увеличивает вероятность даже случайного всеобщего армагеддона. Отсюда вывод: хочешь не хочешь надо договариваться.

И оказалось, что защита прав человека, простой нравственный порыв помочь страдающему ближнему — это и есть та внеидеологическая основа, которая может объединить миллионы. Однако реальной силой, влияющей на ход событий, такие нравственные побуждения становятся тогда, когда с ними начинают считаться так называемые «реальные политики». Первым значимым шагом такого рода стали Хельсинкские соглашения 1975 года с их правозащитной «Третьей корзиной», хотя глобальное значение это приобрело только благодаря инициативе Юрия Орлова 1976 года, предложившего рассматривать этот бюрократический документ всерьез и создать Московскую Хельсинкскую группу. Сергей Ковалёв тогда в нее не вошел, поскольку был в заключении. Вскоре там ему составили компанию несколько основателей МХГ: Юрий Орлов, Александр Гинзбург и Анатолий Щаранский.

Но «достучаться» до высших политиков всё равно было не просто. Сергей Адамович часто и совершенно справедливо подчеркивает, что поворотным моментом стало программное выступление в феврале 1977 года только что вступившего в должность президента США Джимми Картера, который впервые в истории человечества объявил защиту прав человека приоритетом политики США. И хотя и не сразу, но взаимное ядерное разоружение стало реальностью — человечество сделало шаг назад от термоядерной пропасти.

Я разделяю позицию Сергея Ковалёва в связи с дискуссией, должен ли был академик Сахаров испытывать нравственные страдания из-за участия в создании страшного оружия. ▶

Эта позиция отражена в нашем совместном ответе Виктору Астафьеву (Ковалёв С., Альтшулер Б., Болотовский Б., Самодуров Ю. Сахарову каяться не в чем // «Известия» от 6 мая 1994 года). Ковалёв говорит об этом в докладе «А.Д. Сахаров: ответственность перед разумом» (2001).

В этом же докладе Ковалёв подробно обосновывает необходимость усиления международных обязывающих документов в сфере защиты прав человека. Если в XX веке главные беды принесли мессианские идеологии, то сегодня мессианством «болеют» лишь маргинальные религиозные фундаменталисты-фанатики. А на первое место вышла проблема бесконтрольности чиновничьего госаппарата и как следствие немыслимой по масштабам коррупции, обрекающей на бедность и убогое существование народы многих стран, включая и россиян.

Занимаясь защитой прав детей и социальных прав семей с детьми, я знаю обо всем этом из первых рук. И уверен, что следующим стратегическим шагом в создании системы международной защиты прав человека должно быть заключение взаимообязывающих международных соглашений в сфере защиты социальных прав, противодействия коррупции и монополизму.

Поздравляя Сергея Адамовича с юбилеем, желаю, как и положено, здоровья и долгих лет жизни — в соответствии с известной притчей о дедушке, который в 120 лет женился, «потому что его родители заставляли».

Эдвард Клайн, член Проектной группы по правам человека:

В феврале 1987 года, во время моей первой поездки в Москву, я познакомился с Сергеем Ковалёвым на квартире у Андрея Сахарова. До сих пор мы остались друзьями.

В ноябре 1988 года, когда Сахаров посетил США в качестве члена международного фонда «За выживание и развитие человечества», он настоял на том, чтобы Сергей его сопровождал.

Сахаров убедил международный фонд в том, что надо поддержать Проектную группу по правам человека, чтобы Ковалёв был председателем и чтобы мы с ним отвечали за координацию российского и американского отделений. Проектная группа развертывалась медленно. Сергей был занят предвыборной кампанией в парламент, и потребовалось время, чтобы наладить отношения фонда «За выживание и развитие человечества» и Проектной группы.

Тем не менее к лету 1989 года Сергей был избран депутатом Съезда народных депутатов РФ, членом Верховного Совета и его влиятельного Президиума, председателем Комитета по правам человека и членом Конституционной комиссии. В комитете ему помогали несколько либеральных депутатов и группа сотрудников, оплачиваемых правительством.

Первоочередной задачей Сергея была подготовка вместе с Борисом Золотухиным и Сергеем Сироткиным Декларации прав и свобод человека и гражданина, которая была принята на Съезде народных депутатов 5 сентября 1991 года, а в 1993 году была включена в качестве второй главы в Конституцию.

Сергей был приглашен выступить с докладом на Нью-Йоркской коллегии адвокатов 24 августа 1991 года. Президент Ельцин назначил Сергея своим представителем в правительстве США после путча. Я сопровождал его на встречи с сенаторами, которые были обеспокоены безопасностью советского ядерного оружия; Сергей убедил их в том, что оно под контролем.

Он преодолел возражения посла США Макса Кампельмана на проведение Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1991 году в Москве, и Сергей был назначен сопредседателем.

В 1993-м в Комитете Сергея было создано Управление Уполномоченного по правам человека (омбудсмена), и Сергей был избран на эту должность.

Сергей доказал, что конструктивная работа на правительство совместима с личной честностью.

Перевод Кэтрин Фитцпатрик

Виктор Шейнис, науч. сотр. Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, член Политического комитета партии «Яблоко», депутат Госдумы первого и второго созывов:

Мне сильно повезло встретить Сергея Ковалёва лет двадцать пять тому назад и прошагать по жизни где-то неподалеку от него, восхищаясь его характером, постигая строй его мысли, соглашаясь и споря с ним и неизменно видя в нем воплощение редкостных в наши дни качеств, какими живо человечество, — чести, благородства, чувства собственного достоинства.

Большую части жизни Ковалёву, как и всем людям его поколения, довелось прожить в государстве, назначение которого — в подчинении человека, растворении его воли, превращении гражданина в послушную марионетку. Особенно трудно было выстраивать линию поведения тем, кто понимал тоталитарную природу этого государства и сущность его иезуитской идеологии. Большинство научилось маневрировать, хитрить в тяжбе с Левиафаном. Ковалёв был человеком иного склада — он считал, что жить надо достойно, сообразуясь с собственными принципами и убеждениями и не поддаваясь давлению государственной машины. Сломать его было невозможно.

Еще в молодости он сформулировал для себя максиму о «нравственной несовместимости порядочных людей с тоталитарным режимом». Сопротивление привело его в диссидентство. Он издавал знаменитую «Хронику текущих событий» — обвинительный акт против советского государства.

После многолетнего заключения, лагеря и ссылки, во времена перестройки для него открылось поле публичной политики. «Дело чести избирателей нашего округа, — призывала листовка „Мемориала“, — избрать народным депутатом России Сергея Адамовича Ковалёва».

Комитет по правам человека на Съезде народных депутатов России, во главе которого встал Ковалёв, стал одним из главных институтов преобразования государства. Подготовленные там Декларация прав человека, проект главы о правах и свободах человека и гражданина, вошедший позднее в нашу Конституцию, закладывали краеугольные камни в правовую систему России, призванную закрепить европейский (а не какой-то «особый») путь ее развития.

В январе 1996 года Ковалёв оставил пост председателя президентской Комиссии по правам человека и вышел из Президентского совета. Это был политический и нравственный выбор: «Я не могу больше работать с президентом, которого не считаю ни сторонником демократии, ни гарантом прав и свобод».

В российской политической оппозиции Сергей Ковалёв ныне — нравственный камертон. «В советские времена мы были идеалистами. Таким я и остался», — говорит он. Непреложны, настаивает он, ценности свободы и права человека. Недемократические режимы могут одерживать ситуативные победы, но не выдерживают соревнования со строем либеральной демократии. Мысль эта особенно актуальна ныне, когда российское общество захлестывает волна антилиберальной и антизападной истерии.

Ковалёв убежден: то, что должно объединять демократов, намного важнее, чем то, что их разделяет. Он обращается к опыту Хартии-77 в Чехословакии и КОС-КОРа в Польше. Объединившиеся в них люди, подчеркивает он, были достаточно мудры, чтобы отодвинуть разделявшие их разногласия, добиваясь смены режима. В России объединяющей платформой демократической оппозиции могут и должны стать требования честных выборов, независимого суда и освобождения СМИ от государственного контроля. Сегодня к этому, конечно, добавляется прекращение интервенции в Украине.

Хотелось бы, чтобы призыв патриарха демократического движения был услышан и воспринят всеми, кто озабочен будущим нашей страны.

С Вацлавом Гавелом, 1995 год

Вячеслав Бахмин, председатель Общественной комиссии по сохранению наследия академика Сахарова:

Сергею Адамовичу Ковалёву 85 лет. В это трудно поверить. Несмотря на серьезные проблемы со здоровьем, он, хотя теперь уже редко, по-прежнему ярко и убедительно выступает на семинарах и пишет прекрасные статьи, как и раньше яростно отстаивает приоритет права и человека в глобальной политике, оставаясь непримиримым противником так называемой Realpolitik.

Конечно, мы с Сергеем Адамовичем люди разных поколений. Когда он начинал свою общественную деятельность в середине 1950-х, выступая в защиту генетики, я только отправился в школу. В 1970-е, до ареста Ковалёва, мы пересекались, но не часто.

Прочно подружились мы уже в 1990-х, в перестроечную эпоху. Так случилось, что мы оба оказались во властных структурах: Сергей Адамович как член Верховного Совета РСФСР, а я — как новоиспеченный дипломат, глава отдела МИД РСФСР. Порекомендовал меня на эту должность Андрею Козыреву именно Ковалёв.

С его упрямством и добросовестностью ученого, с его страстностью и глубокой убежденностью в верховенстве права мне пришлось столкнуться при совместной работе в Женеве, где Ковалёв с 1992 по 1995 год возглавлял российскую делегацию на ежегодных заседаниях Комиссии по правам человека ООН, а я был его заместителем. Комиссия ООН по правам человека в Женеве собиралась ежегодно на четыре недели ранней весной. У нас было время и неплохая возможность поразмышлять о взаимоотношении политики и прав человека, о диссидентах и природе власти. Незабываемое было время! Нужно сказать, что благодаря Ковалёву позиция российской делегации на Комиссии тоже была необычной, можно сказать «диссидентской». Мы были первой делегацией, которая открыто анализировала и критиковала ситуацию с правами человека в своей собственной стране. А иначе как мы могли осуждать нарушение прав человека в других странах?! Конечно, такая «самокритика» на межправительственных форумах выглядела вызывающей, она нарушала сложившиеся в международных отношениях и столь привычные дипломатам правила «двойных стандартов». И хотя американская делегация тоже на короткий срок попробовала следовать нашему примеру, мы были в явном меньшинстве, и «реальная политика» вновь восторжествовала. Будем надеяться, что не навсегда.

Светлана Ганнушкина, председатель Комитета «Гражданское Содействие»:

Дорогой и нежно любимый Сергей Адамович!

Вот я начала вспоминать, как и когда мы познакомились. То есть я, конечно, знала о Вас, о Ларисе Иосифовне, о деле Синявского и Даниэля. И всё, что происходило с вами, было близко и почти рядом. Как потом оказалось, все вы бывали в моем родном Хлебном переулке и даже в доме 19 — этажом выше нашей квартиры. До сих пор сожалею, что не знала этого тогда.

Познакомились мы в 1990 году, когда в Москве оказалось 40 тысяч беженцев из Азербайджана. Отношение к ним было очень разным даже в диссидентской среде. Мы встретились у Вас в кабинете на Новой площади. Кто-то из Ваших помощников задал вопрос: «Почему мы должны им помогать? Они богаче нас: у них норковые шубы и золотые зубы». Вы сразу резко пресекли все разговоры про «шубы и зубы» и согласились с тем, что беженцам необходимо дать крышу над головой. Для меня очень важна была Ваша поддержка. Всегда вспоминаю ее с благодарностью. В мае Моссовет расселил беженцев в общежития и гостиницы.

Потом была первая чеченская война. Мы снова старались как-то помочь беженцам, а Вы с небольшой группой товарищей отправились в Чечню остановить войну. Мы все наивно надеялись, что власти не станут бомбить омбудсмена и его команду. Но мы ошиблись. Вы возвращались в Москву, выступали и снова уезжали в Грозный под бомбы. Каждое Ваше выступление было событием. Благодаря этому наши отношения с чеченцами никогда не прерывались, и война государства с частью своих граждан не превратилась в межэтнический конфликт. За это тоже Вам большое спасибо и низкий поклон.

Помню август 1996 года, когда во время наступления на Грозный Вы вышли на площадь один и, сидя на стуле из-за тяжелой болезни сердца, говорили с собравшимися людьми о военных преступлениях в Чечне.

Мне хочется поблагодарить Вас, Сергей Адамович, за Вашу всегда определенную и независимую позицию и одновременно за то, что с Вами может спорить любой, невзирая на возраст и положение. Для меня очень многое значит общение с Вами. Жаль только, что его маловато.

Недавно один наш коллега, получив Ваше согласие поставить подпись под заявлением, задал вопрос: как обозначить род занятий? Вы ответили: пенсионер. Вы слукавили, Сергей Адамович. Я думаю, что всю Вашу жизнь у Вас один род занятий: Сергей Ковалёв. И это очень важное необходимое нам всем занятие, и пусть оно продлится как можно дольше.

С днем рождения, дорогой Сергей Адамович! 85 лет — это совсем не много.

ПоΣгYƷYƓfư Ɛ.Ɛf Ʒ fƲƶƲ'fƮ, ƴYлностью на сайте ТрВ
Фото с сайта www.memo.ru и из архива семьи Ковалёвых

Весна в отрогах Пир-Панджала. Фото А.В. Андреева

В отрогах Пир-Панджала

Лев Боркин,
руководитель Центра гималайских научных исследований Санкт-Петербургского союза ученых

Рассказы об экспедициях воспринимаются по-разному. Коллег-специалистов интересуют главным образом полученные в поле факты и собранный материал, тогда как большинство других людей привлекает скорее не сам отчет о проведенных исследованиях, а «бытие науки», если пользоваться названием одной из рубрик «Троицкого варианта».

Как готовится экспедиция, какова в ней повседневная жизнь, какие встречаются неожиданности? В последние годы почти всегда задают вопрос, откуда берутся деньги на экспедиции, особенно в далекие Гималаи. Несколько экзальтированная публика спрашивает о загадочной стране Шамбале. Впрочем, признаюсь, меня самого эта тема также весьма интригует.

В данном очерке речь пойдет о двух днях, проведенных нами весной 2013 года в южных отрогах хребта Пир-Панджа́л (штат Джамму́ и Кашми́р) в ходе Второй Западно-Гималайской экспедиции Санкт-Петербургского союза ученых.

Пир-Панджал (Pir Panjal Range) относится к так называемым Малым Гималаям. В этой горной системе он третий с юга и наиболее мощный хребет протяженностью с юго-востока на северо-запад около 450 км. Его восточную границу образует река Са́тледж, самый восточный приток Инда в штате Хима́чал-Пра́деш, а на западе Пир-Панджал уходит в Пакистан. Средние высоты этого сложно устроенного хребта варьируют от 1400 до 4100 м, но две его вершины устремляются в небо за 6000 м над уровнем моря. Пир-Панджал окаймляет Кашмирскую долину с юга и запада. Для него характерны ледники, многочисленные горные озера и сосновые леса.

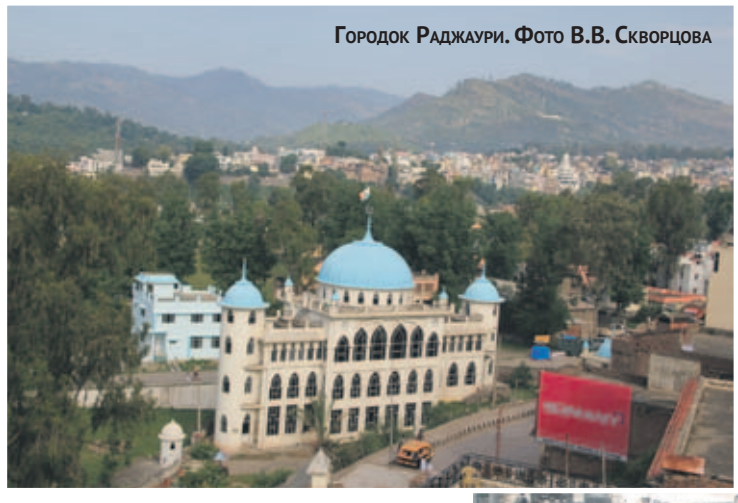
23 апреля наша группа из восьми человек на двух джипах покинула город Джамму́[1] и направилась на северо-запад. Примерно через час мы миновали Акхнур (Akhnoor), лежащий на берегу реки Чина́б (Chenab). Городок известен своими археологическими памятниками весьма разного возраста. Здесь было обнаружено поселение хараппской цивилизации, датируемое примерно 2900 годом до н.э., а также древний буддийский монастырский комплекс со ступой. Еще через 80 км, проехав городок Наушера (Naushera, Nowshehra), мы повернули на север.

Дорога причудливо петляла в живописных лесных предгорьях. Через какое-то время нам приглянулась речная долинка с травянистой растительностью и кустарником. Найдя удобный спуск с обочины горной дороги, мы начали обследовать это симпатичное место в поисках птиц, земноводных и пресмыкающихся, а наш ботаник Б.К. Ганнибал увлекся фотографированием и сбором растений. Так потихоньку мы продвигались по долинке в сторону стоящих впереди строений.

Вдруг оттуда раздались громкие крики, и люди в солдатской форме стали энергично махать руками, явно указывая, что нам следует вернуться к своим машинам. С некоторой неохотой мы подчинились неожиданным призывам. Выяснилось, что строения впереди — это военный пост, и пространство перед ним заминировано в целях предосторожности, так как недалеко проходит граница с Пакистаном, откуда проникают диверсанты! Нам было рекомендовано не отходить от дороги, особенно близ военных частей.

Несколько ошеломленные, мы продолжили свой путь, строго следуя рекомендации, и вскоре оказались в Раджаури (Rajauri, Rajouri), где планировали заночевать. В прежние времена

[1] см. ТрВ-Наука, № 4 от 24 февраля 2015 года



Городок Раджаури. Фото В.В. Скворцова

этот городок, расположенный среди холмов на высоте 917 м над уровнем моря, гордо назывался Rajapura, или Rajapuri, что можно перевести как *Земля Королей* (раджей). В 632 году н.э. его посетил один китайский путешественник, указавший на принадлежность этого района Кашмиру.

Сегодня иностранцы, по-видимому, нечастые гости в Раджаури. Это мы почувствовали сразу же, как только вышли из машин, остановившись в центре города рядом с полицейским участком и двумя отелями. Местные жители поглядывали на нас со смешанным чувством удивления и любопытства. Они явно не могли понять, что могло занести иностранцев в этот уголок. Население городка, которое в 2011 году насчитывало 37,5 тыс. человек, состоит преимущественно из мусульман (55%) и индуистов (42%) с небольшой долей сикхов (2,4%). Оно довольно грамотно (77%), что значительно выше, чем в среднем по Индии.

Вид на горное ущелье и город Катра. Фото Б.К. Ганнибала

В отеле с гордым названием *Mother Land* мы, немного поторговавшись, слегка сбили цену за четыре комнаты с двуспальными кроватями и туалетами внутри (в Индии все комнаты в гостиницах, как правило, рассчитаны на двоих). Мы понимали, что в любом случае цена для нас будет выше той, что платят сами жители, но всё же хотелось понизить порог алчности мусульманских хозяев отеля. Кроме того, спор о цене между продавцом и покупателем — это своеобразный социальный ритуал на Востоке, без соблюдения которого вас просто не поймут (или примут за олуха, которого не грех и ободрать как липку).

Тем не менее нас всё же слегка обманули. После долгой дороги в теплый день, немного уставшие и запыленные, мы, конечно, в первую очередь хотели принять душ, что было обещано при обсуждении цены. Однако горячей воды в номерах не оказалось. По моему вызову явился молодой парень. Энергично покрутив душевые краны, он убежденно сообщил, что теплая вода вот-вот должна пойти, и исчез. Устав ждать ее, я с трудом нашел другого сотрудника, который проделал с кранами ту же операцию и с тем же успехом. Рассердившись, я спустился вниз к распорядителю отеля и сказал, что раз обещанная нам услуга не предоставлена, то и мы заплатим за номера меньше, чем договорились, и на всякий случай попросил нашего водителя перевести это еще и на местный язык (урду). Эффект моего заявления оказался неожиданным. Все немногие обслуживающие сотрудники отеля внезапно перестали понимать по-английски и быстро «испарились».

Пообедав в неплохом ресторане отеля, участники экспедиции решили прогуляться, посмотреть местный базар, где, судя по путеводителю, можно встретить представителей различных племен, живущих в окрестных горах. Наш ботаник хотел ознакомиться с растениями, которые используются в кулинарных, лечебных и иных целях. Однако ни базар, ни уличные лавки, как и сам грязноватый городок, не произвели на нас впечатления.

Ближе к вечеру, приняв душ (вода все-таки появилась), я со своим другом орнитологом А.В. Андреевым решил обследовать берег реки, протекавшей недалеко от нашей гостиницы. Однако дошли мы до него не так скоро, как рассчитывали. Многочисленные встречные прохожие считали своим долгом подойти к нам с приветствием («How are you?») и вопросом, откуда мы. После нашего ответа «from Russia» (по-индийски *Ру́ссия*) они дружелюбно улыбались и просили сфотографироваться вместе с нами. Некоторые пытались сопровождать нас дальше. Когда же на мосту Александр попытался сделать снимки птиц на реке, то вокруг собралась толпа, которая стала оживленно обсуждать его действия (и, вероятно, его фототехнику с несколькими сменными объективами).

На улице Раджаури. Фото Б.К. Ганнибала

Солнце садилось, и мы решили спуститься к широкой галечниковой пойме реки, чтобы поискать там животных. Нам любезно указали тропинку, по которой в обоих направлениях сновали жители. Выйдя к реке, мы слегка опешили. Среди камней около «ванн» с водой или рядом с текущей водой небольшими группками рассредоточились мужчины разного возраста. Одни сидели на корточках, другие надевали штаны или мылись. Кругом было «заминировано». Чтобы не мешать людям, а также не желая в темноте ненароком наткнуться на нечто дурно пахнущее, мы решили вернуться в отель.

Другие участники экспедиции, бродившие вдоль реки, также столкнулись с такой вечерней процедурой, которая, возможно, исполняла и функцию приятельского общения. Это наводило на мысль об отсутствии туалетов внутри домов местных жителей.

На следующее утро, 24 апреля, мы покинули странный городок Раджаури и поехали на восток, выбрав более северную и более высокую дорогу по южным отрогам Пир-Панджала. Несколько часов в прекрасную солнечную погоду мы ехали по замечательным горным ландшафтам, то поднимаясь, то опускаясь по серпантинам, пересекали речки, делали короткие остановки для обследования интересных участков на предмет фауны и флоры.

После обеда достигли более крупного городка Катра́ (Katra, 856 м), совсем недавно называвшегося *Ва́йшно-Де́ви*. Это место, находящееся в 48 км к северо-западу от города Джамму, знаменито индуистским храмом Sri Mata Vaishno Devi, расположенным в 30-метровой пещере в священных холмах Трикута на высоте 1700 м над уровнем моря. Его посещают более 4 млн человек в год. Согласно легенде, демон, решивший силой жениться на богине Вайшно-Деви, преследовал ее в этом месте, и она спряталась в пещере. Индуисты верят, что огромный камень около входа — это окаменевшее тело демона. Идущие паломники приветствуют друг друга возгласами «Джай Матаки!» (*Победа Матери Богине*) и попадают в пещеру через узкий проход.

Храм отстоит от городка на 13 км. Из-за недостатка времени мы туда не поехали. Кроме того, нас, как не индуистов, вполне могли в пещеру и не пустить. Поселившись в отеле, мы вскоре узнали, что попали в «чисто вегетарианскую зону», так как вся территория Катры священна. Потом, в 2014 году, мы часто встречались с вывесками *Pure Veg.* в штате Гуджарат на западе Индии. Это означает отсутствие какой-либо животной пищи в ресторанах и магазинах, включая куриные яйца, масло, молоко и прочее. В запретный список занесли даже лук и чеснок как «возбуждающие» продукты. Об алкоголе не может быть и речи!

В центре Катры нам попался местный «Макдоналдс», но и там смогли предложить лишь вегетарианскую пиццу и довольно неприятного вкуса кофе. За соседним столиком сидели дружелюбные парни и веселые девушки, руки которых были разрисованы хной. Традиция раскраски тела возникла еще в Древнем Египте, а сейчас широко распространена в мусульманском мире и в Индии. Роспись рук и ног называется *мехенди* (или *менди*); ее составные элементы имеют символическое значение (счастья и т.д.). Раньше ее наносили девушкам перед свадьбой, считали оберегом, но ныне применяют просто для украшения.

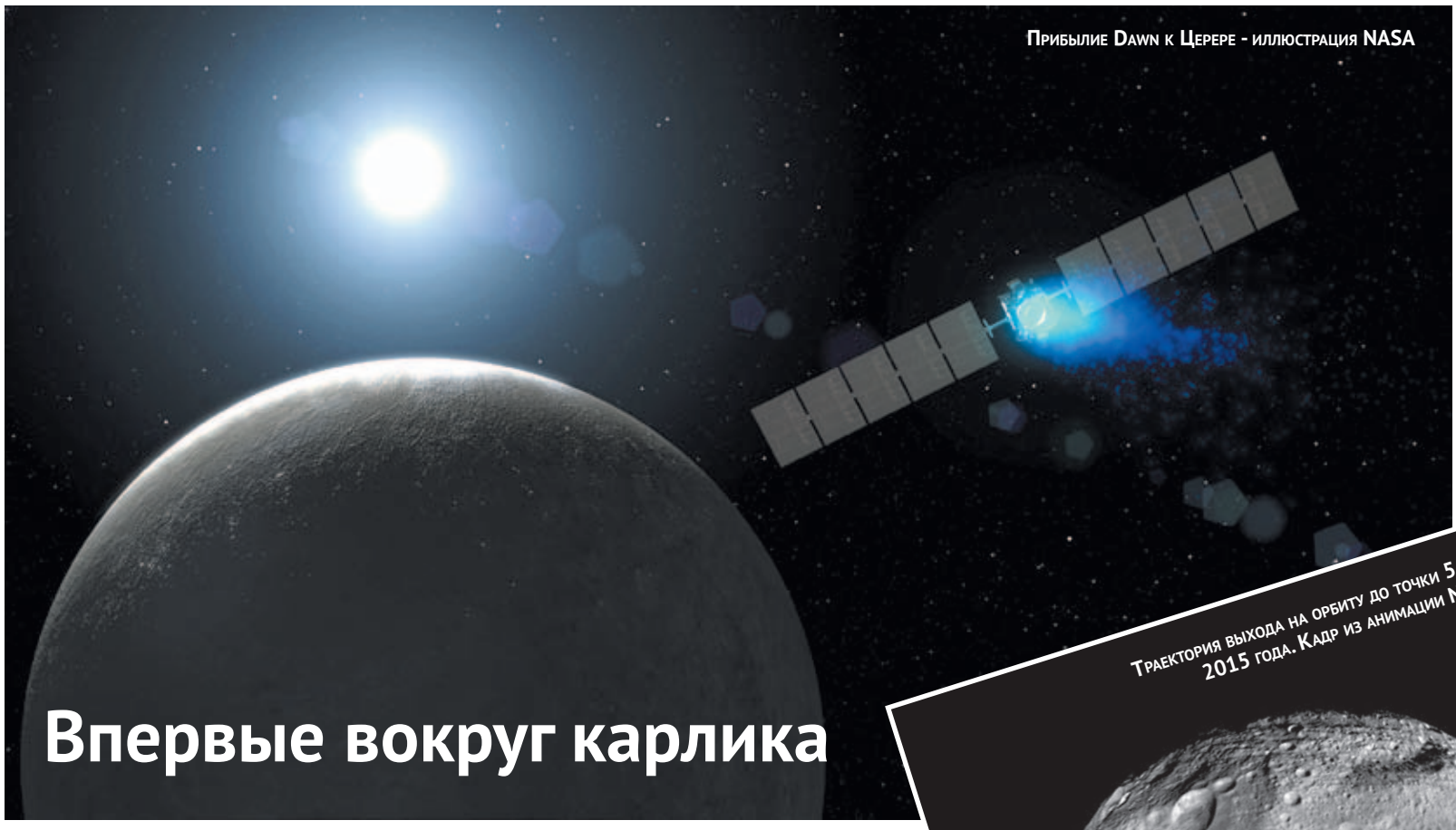
Катра известна большим разнообразием орехов, сухофруктов и овощей; их многоцветной палитрой украшены многие местные лавки и магазины. Нам особенно понравилась вкусная пастила из манго.

Вечером герпетологи отправились за пределы Катры вниз к ущелью и в темноте искали амфибий с помощью фонариков. Странные огоньки вызвали подозрение у живущих неподалеку рабочих, среди которых начался небольшой переполох. Поскольку в нескольких сотнях метров ниже по ущелью возводилась высокая плотина и там стоял военизированный пост, мы решили не привлекать к себе внимание и завершили свои поиски. Только мы вышли на дорогу, как нас остановил подбежавший мужчина. Мы объяснили ему, что как туристы-натуралисты интересуемся разными животными, в том числе и ночными, которых фотографируем. Это, а также показ снимков с амфибиями, насекомыми, пауками и т.д. в фотокамере убедили его, что мы не пакистанские диверсанты, и он отпустил нас. Примерно через час мы благополучно пришли в отель.

Для специалистов отмечу, что все пойманные нами в Раджаури и Катре лягушки и жабы принадлежали к ориентальным видам. Земноводных палеарктического происхождения обнаружить в южных отрогах Пир-Панджала не удалось. Иной оказалась ситуация в Кашмирской долине, но об этом в другой раз.

ТрВ-Наука — информационный партнер СПбСУ по Гималайскому проекту

Рисунки хной на руках. Фото В.В. Скворцова



Прибытие Dawn к Церере - иллюстрация NASA

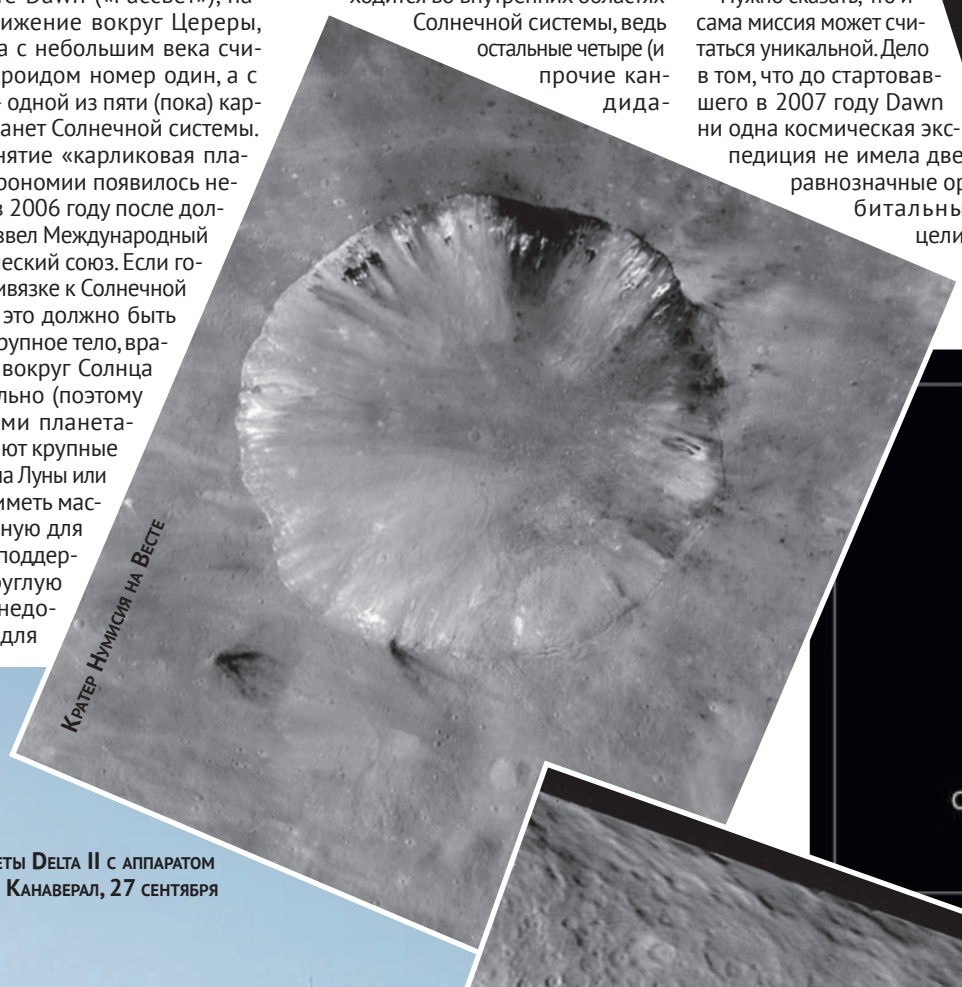
Впервые вокруг карлика

6 марта на сайте NASA появилось сообщение, что зонд агентства впервые вышел на орбиту вокруг карликовой планеты. Речь идет об аппарате Dawn («Рассвет»), начавшем движение вокруг Цереры, которая два с небольшим века считалась астероидом номер один, а с 2006 года — одной из пяти (пока) карликовых планет Солнечной системы.

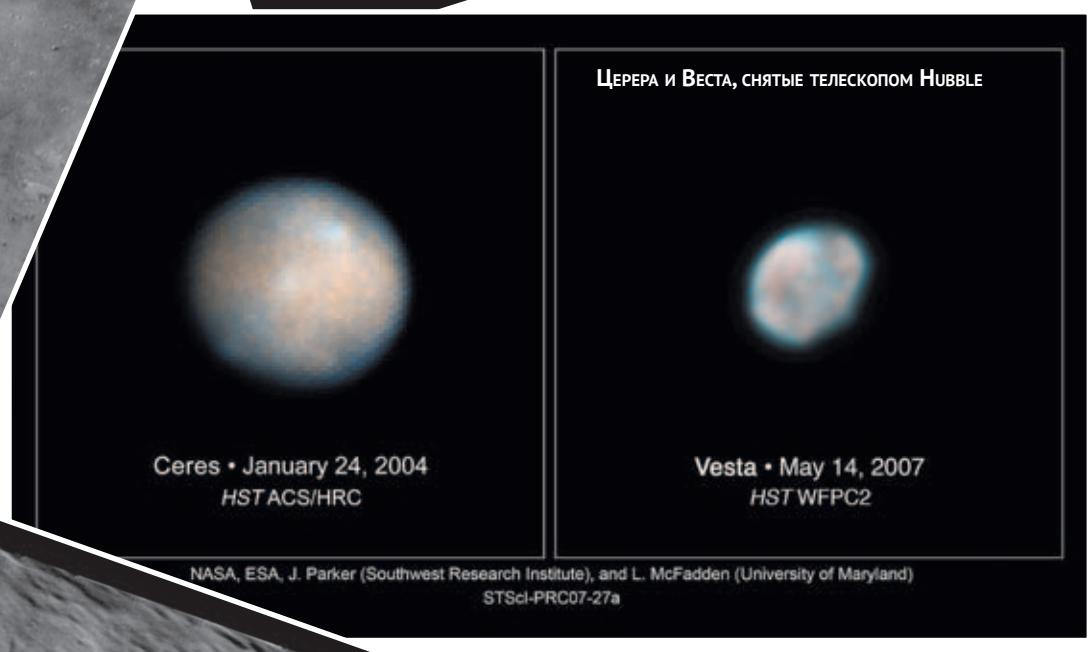
Само понятие «карликовая планета» в астрономии появилось недавно. Его в 2006 году после долгих споров ввел Международный астрономический союз. Если говорить в привязке к Солнечной системе, то это должно быть довольно крупное тело, вращающееся вокруг Солнца самостоятельно (поэтому карликовыми планетами не считают крупные спутники типа Луны или Ганимеда), иметь массу, достаточную для того, чтобы поддерживать округлую форму, но недостаточную для того, чтобы расчистить окрестности своей орбиты от других тел. Церера в этом отношении уникальная карликовая планета, единственная, которая находится во внутренних областях Солнечной системы, ведь остальные четыре (и прочие кандидаты в карликовые планеты) расположены за орбитой Нептуна.

Нужно сказать, что и сама миссия может считаться уникальной. Дело в том, что до стартовавшего в 2007 году Dawn ни одна космическая экспедиция не имела две равнозначные орбитальные цели.

Траектория выхода на орбиту до точки 5 мая 2015 года. Кадр из анимации NASA



Кратер Нумисия на Весте



Запуск ракеты Delta II с аппаратом Dawn. Мыс Канаверал, 27 сентября 2007 года.

Церера крупным планом

Аппараты, конечно, обследовали с пролетных траекторий другие небесные тела — попутно, отправляясь к своей основной цели. Вспомним, к примеру, миссии «ВеГа», изучавшие Венеру и комету Галлея. Или «Розетту» (Rosetta), которая по пути к комете Чурюмова — Герасименко изучила два астероида. Однако до сих пор не было случая, когда аппарат прилетел бы к одному объекту, вышел бы на орбиту вокруг него, поработал бы там какое-то время, затем ушел с его орбиты и вышел на орбиту вокруг другого небесного тела. Именно это совершил Dawn.

Первой целью миссии стал астероид за номером четыре — огромная Веста. Она, конечно, поменьше Цереры, но всё же более 500 км в поперечнике. Надо сказать, что до зонда Dawn мы даже в космический телескоп «Хаббл» (Hubble) почти ничего не могли разглядеть ни на Весте, ни на Церере. Сейчас же Веста может считаться самым изученным астероидом: Dawn проработал на ее орбите больше года, с 16 июля 2011-го по 5 сентября 2012 года. Была построена карта Весты, получено огромное количество фотографий с разрешением до 23 м на пиксель.

Затем последовал полуторагодичный перелет к Церере… 26 января 2015 года случилось еще одно важное событие в истории миссии: разрешение снимков Цереры, которые передал Dawn, превысило разрешение снимков Hubble Space Telescope.

И началось самое интересное — выход на дальнюю орбиту с последующим выходом на рабочую, более близкую. Это случится уже в апреле.

Пока что главная загадка в Церере — это странная двойная белая точка на фотографиях. Неожиданно яркий объект ставит всех в тупик. Основных версий пока что две: очень свежий метеоритный кратер или криовулкан. Если криовулкан — то это очень интересно! Тем более что еще в прошлом году наблюдения космического телескопа «Гершель» (Hershel) показали две точки выброса водяного пара на Церере.

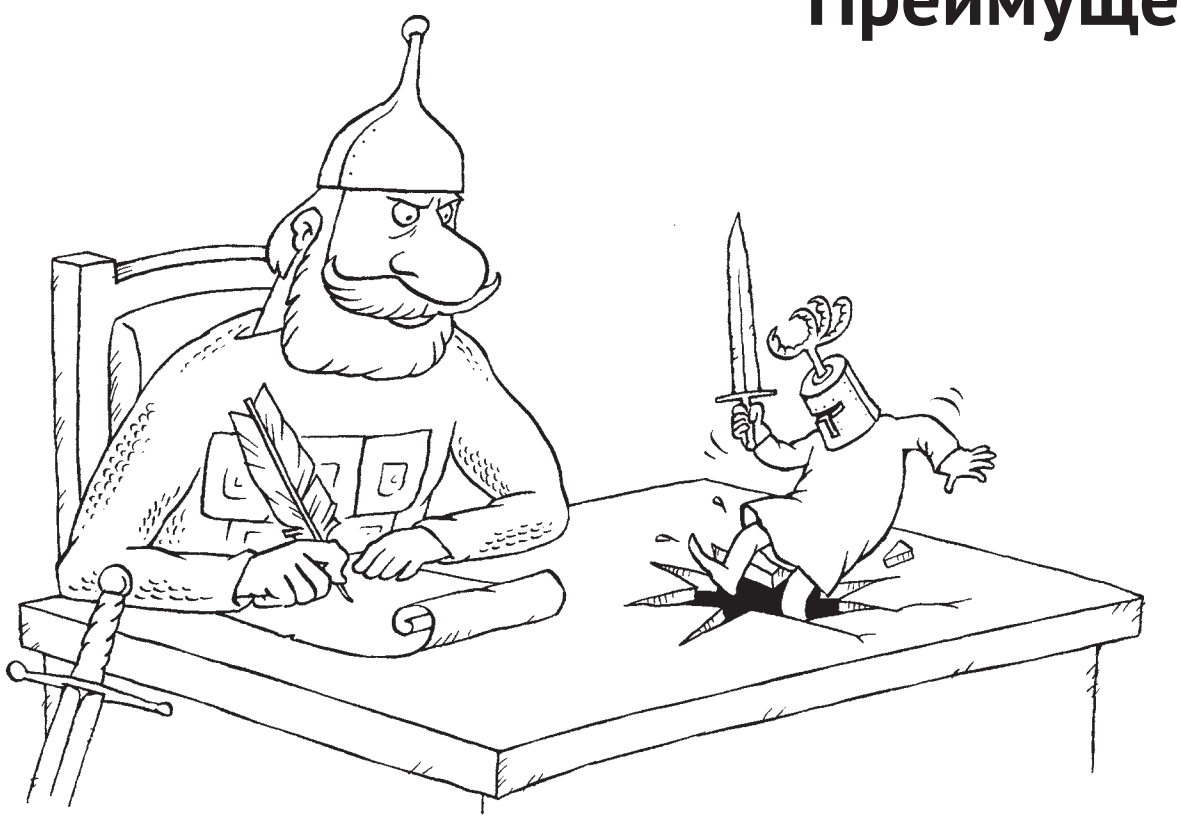
Нас ждут интересные времена, тем более что в июле 2015 года мы увидим вблизи еще одну карликовую планету — тогда зонд «Новые горизонты» (New Horizons) пролетит мимо «разжалованного» в том же 2006 году из «нормальных» планет Плутона.

Алексей Паевский

Фото NASA

Преимущества русского народа

Лев Клейн



Опасные сравнения

В советское время у нас было непозволительно сравнивать народы по способностям и достижениям: интернационализм требовал уравнивать их. Этот запрет был неким предшественником современной западной политкорректности, имеющей и достоинства, и недостатки. Война развязала языки по отношению к немцам — у них появилась масса природных недостатков, но ненадолго. Зато у русских открылась масса достоинств и преимуществ — и уж это прочно. Ныне в обстановке резко возросших национализмов и ксенофобии стало можно и модно меряться национальными преимуществами и строить на этом идеологию национальных обид и национального возрождения. Поскольку русские составляют подавляющее большинство населения нашей страны, русский национализм, замешенный на русских обидах, здесь наиболее заметен, хотя и это не самый яростный из наличных национализмов. Русские марши — одно из проявлений.

Как мне представляется, ученым воздерживаться от обсуждения преимуществ таких народов, как русский, смешно и глупо, когда сравнения у всех на слуху. Так же как воздерживаться от выявления недостатков. Нужно лишь соблюдать такт и трезвость при обсуждении этих деликатных материй, стараться найти истинные причины различий и их подлинное значение.

Как археолог я мог бы и не вдаваться в разбор причин крупных исторических процессов: наше дело, по-моему, снабжать историков добротными, хорошо проработанными археологическими источниками. Но многие археологи в той или иной мере также историки, кончали исторический факультет, а я еще многие десятилетия занимался и культурной антропологией. Причины и следствия исторических событий и процессов меня занимают до сих пор. В их числе причины одного процесса, явственно выступающего в археологии, — процесса расселения славян и чрезвычайно масштабного распространения русского народа.

Рост ареала

Корни славян, принадлежавшие им культуры остаются для первой половины I тысячелетия н. э. спорными — где-то в Восточной Европе, широко беря, между верховьями Дона и средним течением Дуная и Одера помещалась в это время их прародина. Но с V–VII веков н. э., за два-три века до Киевской Руси, достоверно славянские культуры — памятники пражского типа, корчакского, пеньковского, суковского — известны, выявлены, изучены. Они располагались в лесостепи, протянувшись полосой от Среднего Дуная и Одера до Нижнего Дуная и Среднего Днепра. Юго-восточный язык этой полосы, видимо, уже содержал племена, говорившие в основном на восточнославянских диалектах. Западные и юго-западные племена с тех пор заметно расширили свое обиталище, но восточные славяне совершили потрясающий захват территорий. В течение двух веков они распространились на север до Ледовитого океана, впитав в себя бесчисленное множество финноугорских народностей — вепсов, водь, мурому, мещеру, чудь, ижору и т.д., также балтские народности (в частности, голядь). На севере они включили в себя пришлых норманнов, от которых, по летописи, получили и название «Русь». Вскоре центр консолидации сдвинулся на юг, к Киеву. Далее пришел черед степных народов, которых славяне Руси частично вытеснили, частично впитали в себя, — печенегов, половцев, торков, берендеев и т.д. Затем, уже под руководством Московского государства началось освоение Сибири с занятием ряда территорий — вплоть до Дальнего Востока. Затем продвижение на Кавказ с вытеснением и подавлением горцев.

В итоге русский народ занял огромную территорию, как ни один другой народ Европы — по крайней мере до создания Британской и Испанской империй. Численность тоже сильно возросла, хотя во времена Людовика XIV Франция была раза в два многолюднее (королю было откуда брать «большие батальоны»). Но в последующие века Франция лишь удвоила свое население, а Россия возросла более чем десятикратно.

Вопреки

Между тем условия такому преимуществу русского народа отнюдь не благоприятствовали. Ему достались не лучшие в Европе земли с точки зрения хозяйствования. Полезные ископаемые (руда и т.п.), обильные в России, тогда не требовались. А по условиям обитания русские получили на окраине Европы и в Азии земли, наименее удобные для земледелия (по сравнению с остальной Европой). При наличии плодородных черноземов суровая и долгая зима ограничивала рабочий сезон и делала невозможным произрастание ряда урожайных растений. Урожаи как правило были гораздо ниже и беднее по ассортименту. Для получения излишков, нужных для образования верхних классов, требовалось дождаться более развитой техники, чем это было на западе. Поэтому эти земли отставали в развитии. России всё время приходилось рывками преодолевать отставание.

Европа бронзового века и начала железного завалена металлическими мечами. На Русь мечи пришли только в IX веке н. э. Христианизация языческих народов здесь прошла на пять веков позже, чем в Западной и Центральной Европе. Кроме того, окраинное положение было чревато и большей подверженностью нашествиям степняков. Татаро-монгольское нашествие задержало развитие Руси еще на два века минимум. В итоге здесь было очень мало ганзейских городов (Новгород и Псков), и они были убиты, не было Реформации, не было Возрождения, не было революций в XVII–XIX веках.

Почему же русский народ так размножился и так вольготно расселился?

Факторы

На мой взгляд, здесь сказались несколько факторов. Прежде всего проявилось именно окраинное положение. В отличие от других европейских народов, теснящихся на плодородном и благодатном пятачке Европы, русский народ имел своими соседями с севера, юга и востока народности, значительно отставшие в развитии, — охотников и рыболовов с севера (финно-угров) и в Сибири, а также кочевников-скотоводов, не ведущих своего оседлого хозяйства, в степях. Это были народности с немногочисленным населением. Они не могли ни конкурировать со славянами, ни оказать существенное сопротивление.

Вторым фактором, способствовавшим распространению русского народа, была возможность русских женщин рожать и выкармливать большое количество детей. Охотники и собиратели, очень мобильные, не обладали такой регулярностью добывания пищи на большую семью, как оседлые земледельцы-скотоводы, и (из-за своего быта) такой возможностью часто рожать. То же касается кочевников. Тем и другим требуется большое пространство для прокорма (будь то охота или выпас скота). Русские земледельцы-скотоводы постепенно заселяли всё более широкие земли, оттесняя своих отсталых соседей.

Третьим фактором было выработанное русским народом в результате долгого обитания чересполосно с другими народностями умение приспосабливаться к сожительству и ассимилировать другие народности. Это не чуждо и другим европейским народам, но русским приходилось чаще и больше жить рядом с другими в их природной среде. По необходимости они кое-что усваивали из местной культуры и навыков. Но благодаря более развитой и богатой русской культуре, а также большему количеству русских это приводило к обрусению соседей.

Четвертый фактор сложился сначала как черта русского национального характера, потом сказался на государственной организованности русского народа. Дело в том, что хозяйствование в суровом климате приучило русских крестьян выдерживать долгое зимнее выжидание и затем в немногие недели удачной погоды выкладываться полностью, добиваясь успешного, насколько возможно, урожая. Это закладывало в характер непривычность к систематической работе (столь характерной, скажем, для немцев) и готовность к авралу, решающему для всего года. Эту терпеливость и эту готовность к взрывным неимоверным усилиям использовали властители для завоевательных войн, которые расширили ареал русского народа и российского государства.

Результат

Так сложилось территориальное и численное превосходство русского народа над многими соседними. Некоторые националисты считают, что это дает основание для удержания или восстановления имперского величия, что «великороссы» рождены для доминирования над другими народами. Это сомнительно. Я уж не говорю о том, что границы империи сильно ужались, численность населения резко уменьшилась. Сейчас уже и японцев больше, чем нас, и американцев, не говоря уже о Китае. Три фактора из четырех, о которых я говорил, утрачены.

Нет отсталых народностей вокруг нас. Финны и эстонцы живут цивилизованнее нас, всякий, посещающий эти страны, видит это собственными глазами. А корейцы и японцы далеко обогнали нас в автомобилестроении и робототехнике. Китай становится мастерской планеты. Всё больше бедных соседей и родственников выбивается в люди.

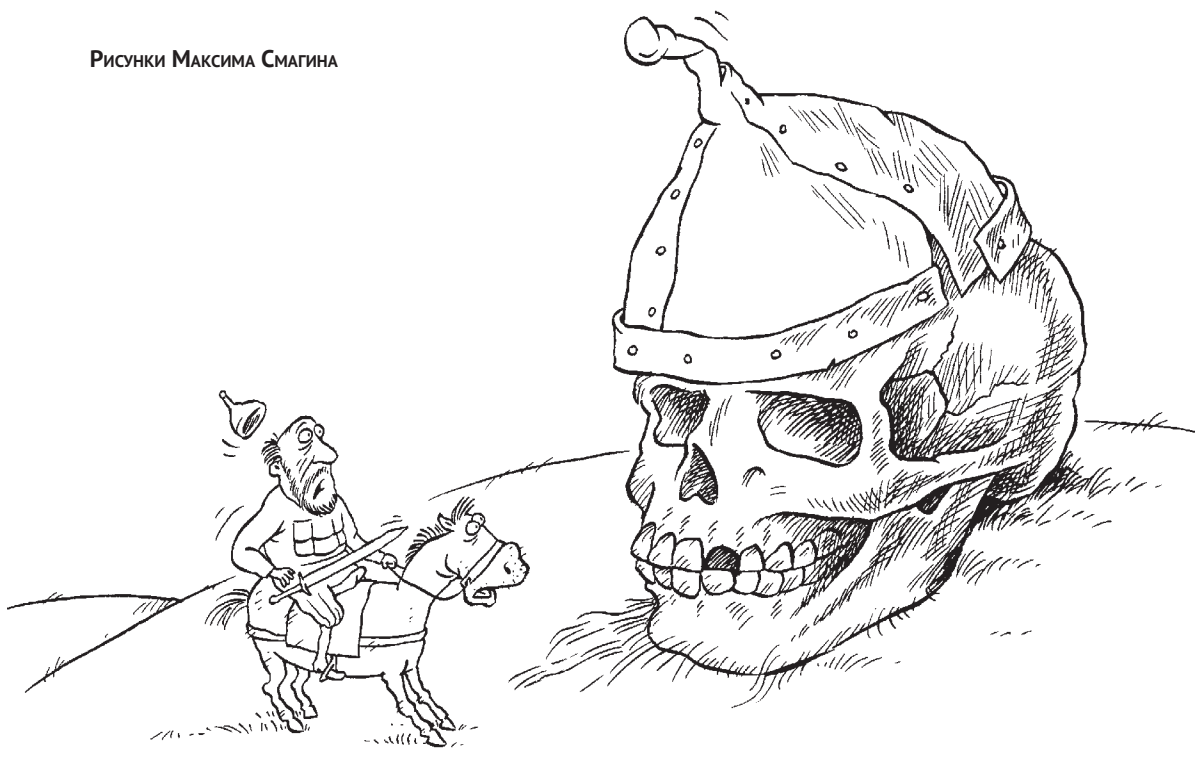
Русские женщины больше не будут безостановочно рожать. Они стали работать наравне с мужчинами, они хотят жить и для себя, заниматься творчеством. Словом, они стремятся отныне быть наравне с женщинами Европы (а не Востока). А это значит, что наиболее типичной становится малодетная семья. Да и больших квартир для молодоженов у нас — по крайней мере в ближайшей перспективе — не предвидится. Или я ошибаюсь?

Приспособленность к сожительству с другими народами на глазах сменяется насаждаемой сверху агрессивной ксенофобией и самоизоляцией от всего мира. К сожалению, это оказалось очень заразительно.

А вот четвертый фактор сохранился — неумение систематически работать, терпеливость и готовность иногда к взрывным усилиям. И он по-прежнему используется властителями. Но под влиянием катастрофического воспитания и ситуации в стране неумение систематически работать всё больше перерастает в нежелание заниматься физическим и вообще муторным трудом, жажду получить должность чиновника, офицера или охранника. А терпение когда-то кончается, и тогда взрывное усилие выливается в «русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Надеюсь, констатацией этих фактов я никого не обидел. Грандиозные планы, построенные на неверном понимании истории и ложных расчетах, на задействовании исчезнувших факторов, было бы разумно пересмотреть. ◆

Рисунки Максима Смагина



Ясир Арафат. Фото из «Википедии»

Ясир Арафат и полоний

Борис Жуйков

ТрВ-Наука продолжает публикацию статей радиохимика, докт. хим. наук, зав. Лабораторией радиоизотопного комплекса Института ядерных исследований РАН ИЯИ РАН ***Бориса Жуйкова****, посвященных полонию-210.*

Смерть Александра Литвиненко в ноябре 2006 года в результате отравления полонием-210 породила подозрения, что это вещество могло быть использовано для подобных целей и раньше. Так, в 2012 году на вещах Ясира Арафата (его зубной щетке, одежде и др.) швейцарские ученые из Института радиофизики Лозанны обнаружили некоторое количество полония-210, небольшое, но значительно выше фонового [1].

За годы, прошедшие со смерти палестинского лидера, активность полония-210 должна была уменьшиться примерно в 1 млн раз. Если пересчитать, сколько полония-210 могло быть в теле Арафата на момент его смерти в конце 2004 года, то получается, что в него могли ввести радиоактивность, близкую к тому, что получил Александр Литвиненко. Симптомы в этих двух случаях несколько отличались. Но позднее было показано [2], что это не противоречит гипотезе об отравлении Арафата, так как полоний может поражать разные органы и вызывать различные поражения.

Тут же стали высказываться предположения, что палестинского лидера могли отравить израильские спецслужбы, тем более что Израиль не является членом Договора о нераспространении ядерного оружия, и международный контроль за работой на реакторах в Нахаль Сореке и Димоне всегда был весьма ограничен [3]. Естественно, что общественность, и не только в арабских странах, потребовала более детально разобраться в вопросе. Для более точного определения причины смерти была необходима эксгумация тела Арафата. Она была проведена, и результаты исследования опубликованы в докладе [1].

Вскрытие останков Арафата показало, что в некоторых его органах действительно имелся избыток полония. Но его оказалось не так много, как ожидалось, а самое главное, было обнаружено примерно такое же количество долгоживущего свинца-210 (период полураспада — 22 года). Это указывало на то, что полоний в данном случае мог быть естественного происхождения и никогда не присутствовал в теле в количествах, достаточных для отравления.

Напомню, что в природе полоний-210 образуется в результате распада урана-238 по схеме внизу.

Важный промежуточный продукт распада — радон-222. Этот газ выделяется из пород, содержащих уран, например из гранита, и может попадать внутрь человека при вдыхании. Свинец-210, образующийся в результате распада радона, легко детектируется. Полоний-210 в природе — продукт распада свинца-210, поэтому если полоний в теле Арафата был природного происхождения, то активности свинца-210 и полония-210 в равновесии должны быть близки. Правда, попав в организм, эти радионуклиды могут по-разному распределяться по различным органам, так как их химическое поведение отличается.

Примерно так и оказалось: в останках Ясира Арафата были обнаружены сравнимые по активности количества полония-210 и свинца-210. Авторы доклада, которым, кажется, очень хотелось обосновать гипотезу об отравлении, сначала объяснили это совпадением: якобы вначале полония было на много порядков больше, но потом он распался, и его количество как раз сравнялось с количеством свинца-210. А свинец изначально мог присутствовать в полонии в качестве примеси.

Допустим, такое «счастливое» совпадение произошло. Но существует и еще один сильный аргумент против гипотезы об отравлении, который вообще не рассматривался авторами доклада: в теле Арафата отсутствовал другой изотоп — полоний-209 (период полураспада 102 года), который там должен был быть, если полоний технологического, а не естественного происхождения. Этого изотопа в природе нет — наряду с полонием-210 он образуется при облучении висмута в ядерном реакторе, хотя в гораздо меньших количествах.

В отличие от полония-210, полоний-209 — более долгоживущий изотоп. Согласно нашим расчетам, с 2004 по 2012 год его активность должна была оказаться сравнимой с активностью полония-210, и в альфа-спектре полоний-209 должны были заметить по линии 4,9 МэВ (у полония-210 характеристическая линия 5,3 МэВ). Но его там не оказалось. Вернее, в ряде случаев он там был, но только потому, что швейцарские исследователи добавляли полоний-209 в качестве радиоактивного отметчика, чтобы контролировать эффективность химического выделения полония-210 из биологических образцов.

Определить соответствующий избыток полония-210 еще одним методом — по конечному продукту распада, стабильному свинцу-206 — также не удалось (анализ оказался недостаточно точным).

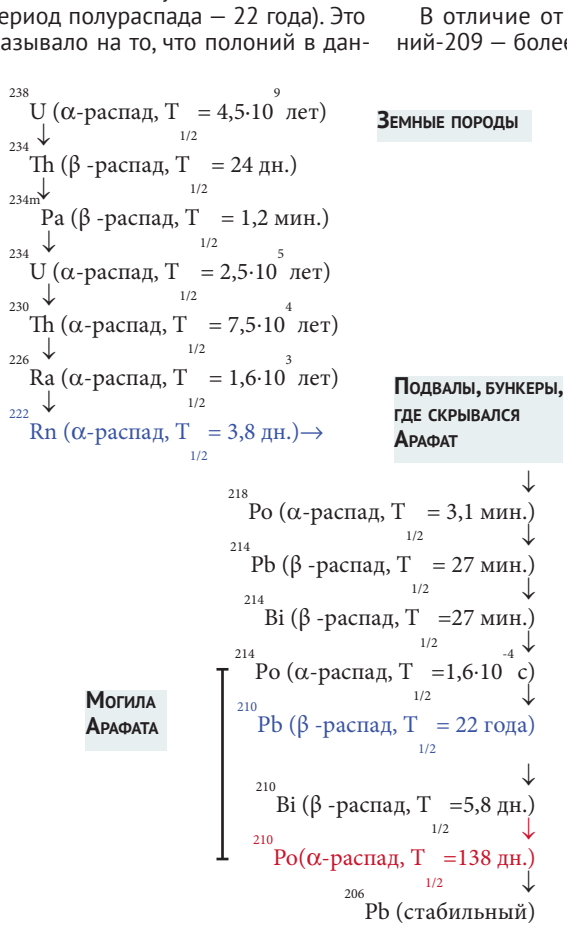
По исследованию гамма-активности мочи Арафата, полученной перед его смертью, авторами доклада был установлен верхний предел содержания полония (менее 25 тыс. Бк/л), что намного меньше, чем следовало ожидать, если бы в Арафата ввели полоний в количествах, сравнимых с полученными Литвиненко. Согласно последним данным, представленным на открытых слушаниях в Лондоне, в Литвиненко ввели около 4,4 млрд Бк [4]. (Напомню, что 1 Бк, беккерель — это 1 распад в секунду.)

Таким образом, утверждать, что в организм палестинского лидера попал полоний именно техногенного, а не природного происхождения, нет достаточных оснований. Как известно, Ясир Арафат, скрываясь от своих противников, довольно много времени провел в подземных бункерах. А концентрация радона-222 (из которого мог образоваться наблюдающийся избыток полония-210) в подвальных помещениях повышенная. К сожалению, авторы доклада изучили возможность попадания радона-222 только из могилы, но не могли проанализировать его поступление из тех мест, где Арафат пребывал при жизни.

В докладе остались еще неясные моменты, которые можно дальше исследовать, например, откуда взялось избыточное количество полония-210 (не связанное со свинцом-210) на зубной щетке и других вещах палестинского лидера. Но в целом, на мой взгляд, гипотеза отравления Арафата полонием не подтвердилась, и все имеющиеся факты можно объяснить естественными причинами. Авторы швейцарского доклада сделали не очень уверенный вывод, что можно предполагать отравление Арафата, но затем созданная международная комиссия экспертов декларировала, что достаточных оснований для этого нет.

Подчеркнем, что в случае с Александром Литвиненко гипотеза о его отравлении полонием природного происхождения абсолютно не работает. Из природных источников, из радона, никак нельзя было получить такого количества полония-210, чтобы внутри тела Литвиненко оказалось несколько миллиардов Бк.

Вместе с тем было бы интересно проанализировать другие случаи, где можно подозревать отравление полонием, например проверить наличие полония-209 в останках Юрия Щекочихина. В принципе, можно получить полоний-210 без примеси 209, и тогда этот анализ ничего не даст. Но такой полоний довольно дорог, и маловероятно, что он стал бы изготавливаться для цели отравления.



1. Подробный доклад об исследовании возможности отравления Я.Арафата полонием-210. Mangin P. et al. Expert forensics report concerning the late President Yasser Arafat. November 5, 2013 (www.documentcloud.org/documents/815515/expert-forensics-report-concerning-the-late.pdf)

2. Медицинские аспекты и симптомы поражения полонием. Froidevaux P.F. et al. Improving forensic investigation for polonium poisoning. Lancet, October 12, 2013, v. 382, p. 1308.

3. Ядерная программа Израиля (http://ilgid.ru/science/nuclear.html).

4. www.litvinenkoinquiry.org/hearings

Очищение репутации МПГУ возможно лишь через разоблачение

Иван Носатов

Мы воюем не с диссертациями, а с репутациями.
Сергей Пархоменко

26 февраля в Московском педагогическом государственном университете (МПГУ) состоялась конференция, посвященная «Научной этике и современным технологиям». После скандала вокруг печально известного Даниловского совета руководство вуза принимает меры для улучшения имиджа университета и разоблачения недобросовестных преподавателей. С докладами выступили члены Вольного сетевого сообщества Диссернет. Среди них — журналист Сергей Пархоменко, профессор Михаил Гельфанд, профессор Андрей Ростовцев и канд. физ.-мат. наук Андрей Заякин. По признанию Сергея Пархоменко, деятельность Диссернета нацелена не на войну с ложными диссертациями, а на войну с фальсифицированными репутациями. Он убежден, что в стране уже наступила репутационная катастрофа: «*Мы окружены людьми, которые не являются теми, за кого они себя выдают. Они не обладают теми качествами, на которые у них есть справка, которые они как будто бы имеют право себе приписывать. Они разными способами добыли себе это право, эту надпись на визитной карточке, на табличке на дверях, в статье в „Википедии“*».

Эксперты Диссернета за два года работы выявили уже более двух тысяч липовых кандидатских и докторских диссертаций. Заветный статус стремятся получить самые разные люди, начиная от юристов, заканчивая чиновниками высшего ранга и лжеучеными. Сергей Пархоменко отметил, что среди высших государственных чинов липовыми степенями владеют губернатор Тульской области Владимир Груздев, губернатор Санкт-Петербурга Георгий Полтавченко, министр транспорта РФ Максим Соколов, некоторые депутаты Государственной Думы и мэры городов нашей необъятной родины.

Факт репутационной катастрофы налицо. Заслуга Диссернета в том, что Вольное сообщество нашло массовые доказательства одной простой вещи: когда кто-нибудь что-нибудь покупает, это значит, кто-нибудь что-нибудь продает. Взять хотя бы «семейство» профессора Геннадия Арташесовича Аванесова, который наделил одной и той же, по сути, диссертацией лидера фракции Единая Россия в ГД РФ Владимира Васильева (2001) и эксдепутата ГД РФ Сергея Абельцева (2000).

МПГУ-кейсы

Эхо Даниловского совета прогремело настолько гулко, что у экспертов Диссернета появился термин МПГУ-кейс. Это диссертация, в защите которой принимали непосредственное участие сотрудники МПГУ в качестве научного руководителя, консультанта, оппонента или самого соискателя. На настоящий момент в базе данных Диссернета около 80 МПГУ-кейсов. Но база данных постоянно пополняется. МПГУ-кейсы делятся на две категории. Одна из них — это историки, про которых речь в этой статье не идет, потому что Даниловский совет и так уже закрыли. Второй раздел — это педагогика и психология. По словам профессора Института проблем передачи информации Андрея Ростовцева, здесь ситуация сложнее: «*Педагоги МПГУ оказались хитрее историков, они присосались к аналогичному совету, только в другом университете — в частности, в МГПУ им. Шолохова. И всю работу делают там*».

Схема, когда сотрудники одного университета обслуживают защиты диссертаций в другом университете, сложнее обслуживания защит липовых диссертаций в собственном вузе, и появляется шанс, что эксперты не заметят обмана. Но обычно замечают.

Наиболее активно среди педагогов в МПГУ-кейсах фигурирует докт. пед. наук, профессор Элла Ивановна Сокольникова (МГПУ им. Шолохова). Она упоминается более чем в 15 экспертизах Диссернета, в некоторых диссертациях выступает как научный руководитель, а иногда как оппонент.

Больше 12 МПГУ-кейсов числится за докт. пед. наук, профессором кафедры социальной педагогики и психологии МПГУ Еленой Александровной Левановой. У одной из ее клиенток — директора московской школы № 521 «Школа здоровья» Галины Алябушевой — в кандидатской диссертации меняется тематика сочинения с «О малой родине» (в источнике 2003 года) на «Об окружающей природе» (в диссертации 2011 года). А «Мой край, город» преобразовался в «Почему нужно бережно относиться к окружающей природе?», остальное же осталось как было.

По данным Андрея Ростовцева, в производстве лжедиссертаций также замешан профессор МПГУ Василий Петрович Подвойский. В отличие от Елены Левановой, он проявляет активность в различных столичных вузах, а не только в МГПУ им. Шолохова. И в основном выступает в роли научного руководителя.

Как остановить фабрику «липы»?

В Российской Федерации невозможен отзыв степеней, которые были присуждены до 1 января 2011 года. Таким образом, многие лжеученые продолжат со спокойной совестью носить свои степени, как призывники, отбегавшие от армии. Но по результатам многих проверок могут быть и будут написаны жалобы, заявляет канд. физ.-мат. наук Андрей Заякин.

Одним из первых претендентов стала доцент кафедры психологической антропологии Института детства МПГУ Луиза Адамян, защитившая кандидатскую диссертацию по психологии в 2012 году. Лжекандидат массово заимствовала для своего труда материал из четырех источников.

Стоит отметить, что первые жалобы были поданы Вольным сообществом Диссернет 23 июня 2013 года. Всего же за полтора года было подано 88 жалоб. ◆

Фото с сайта 4.bp.blogspot.com

О любви и верности на пальцах

Наталья Резник

У каждого вида млекопитающих свои брачные обычаи. Одни образуют постоянные пары на долгий срок или на всю жизнь, другим свойственны множественные кратковременные связи. Человек среди млекопитающих — исключение, среди *Homo sapiens* можно встретить и однолюбов, и сильно полигамных особей. Между этими крайними точками существует множество вариантов. Степень, в которой люди предпочитают неразборчивые связи со множеством партнеров (промискуитет) или долговременные отношения, называется социосексуальной ориентацией.

То, что по этой ориентации человечество неоднородно, известно с незапамятных времен, но пока никто не демонстрировал с цифрами на руках наличие внутри вида не одного, а двух репродуктивных фенотипов. Эту задачу поставили перед собой британские ученые: профессор Оксфордского университета Робин Данбар (Robin Dunbar), его сотрудник Рафаэль Влодарски (Rafael Wlodarski) и профессор Нортумбрийского университета Джон Мэннинг (John Manning) [1]. При этом ученые судили о социосексуальной ориентации людей по значению их пальцевого индекса.

Пальцевой индекс, который в англоязычных статьях обычно обозначают 2d:4d, представляет собой отношение длин указательного и безымянного пальцев. Он свидетельствует об уровне половых гормонов, действовавших на человека в период внутриутробного развития. Половые гормоны регулируют формирование не только мочеполовой системы плода, но и скелета его конечностей, а также определяют некоторые аспекты поведения взрослого человека. Высокий уровень мужского гормона тестостерона и, соответственно, низкий уровень женского эстрогена способствуют формированию мужского плода и увеличивают длину безымянного пальца по сравнению с указательным, низкий уровень тестостерона или малое количество рецепторов к нему уменьшают относительную длину безымянного пальца — плод получается женский. В результате у мужчин пальцевой индекс на обеих руках ниже, чем у женщин.

Профессор Мэннинг — давний исследователь пальцевого индекса. За последние полтора десятка лет он выяснил, что у людей, страдающих нарушениями развития, связанными с повышенным уровнем мужских гормонов и общей маскулинизацией, пальцевой индекс понижен. У больных с низкой чувствительностью к тестостерону, которые по набору половых хромосом мужчины, а внешне женообразны, пальцевой индекс выше нормы. Принято считать, что низкий пальцевой индекс связан с маскулинными чертами поведения, в том числе агрессивностью и склонностью к промискуитету.

За эту особенность с энтузиазмом ухватились антрополог Эмма Нельсон (Emma Nelson) из Ливерпульского университета и Сьюзан Шульц (Susanne Shultz) из Оксфорда. Исследовательницы проверили соотношение между пальцевым индексом и поведением обезьян Старого и Нового Света. Оказалось, что у обезьян Старого Света — павианов и макак-резусов, которые отличаются агрессивным поведением и склонностью к множественным кратковременным связям, — длина безымянного пальца больше, чем указательного. У обезьян Нового Света, в том числе гиббонов, пальцевой индекс выше, чем у обезьян Африки, конкуренция между животными не так остра, и они образуют постоянные пары. Что же касается крупных человекообразных обезьян, то у агрессивных шимпанзе *Pan troglodytes*, которые держат гаремы и третируют самок, соотношение длин указательного и безымянного пальцев ниже, чем у гораздо менее агрессивных бонобо *P. paniscus*. Пальцевой индекс указывает также на полигамность орангутанов и горилл.

Значения пальцевого индекса соответствуют действительному брачному поведению обезьян. Ободренные этим результатом, исследовательницы вместе с коллегами из университетов Калгари и Саутгемптонского определили пальцевые индексы вымерших гоминид [2]. Промерив сохранившиеся в музеях концевые фаланги указательного и безымянного пальцев, а также воспользовавшись литературными данными, они предположили, что древние гоминиды испанопитек *Hispanopithecus laietanus*, пиеролапитек *Pierolapithecus catalaunicus*, живший в Европе около 13 млн лет назад, и ардипитек *Ardipithecus ramidus*, чьи кости старше 4 млн лет, были агрессивными и полигамными созданиями. Очевидно, уровень пренатальных мужских гормонов у них был выше, чем у более позднего австралопитека *Australopithecus afarensis* — этот оказался склонен к моногамии. Неандертальцы и люди из пещеры Кафзех, анатомически сходные с современными людьми, вернулись к полигамным отношениям.

Изображение с сайта www.odec.ca

Фото с сайта news.liv.ac.uk

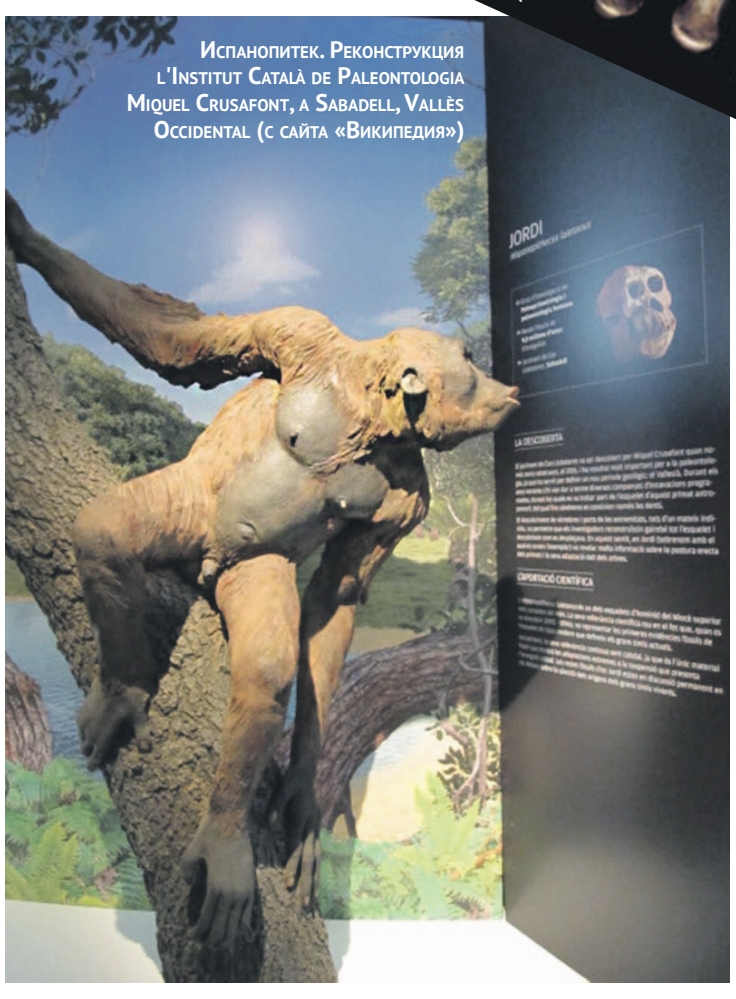
Профессор Мэннинг и его коллеги из Оксфорда, исследуя репродуктивное поведение современных людей, определили соотношение длин второго и четвертого пальцев на правой руке у 1314 белых жителей Великобритании. Мужчины по этому признаку четко разделяются на две группы, причем полигамных среди них больше, чем склонных к моногамии, — около 62%. У женщин разница недостоверна, однако исследователи полагают, что и у них можно выделить полигамный и моногамный типы, распределенные примерно поровну. Кроме того, ученые оценили социосексуальную ориентацию нескольких сотен белых жителей Британии и Северной Америки в возрасте от 18 до 63 лет, используя индекс SOI-R — sociosexual orientation inventory. Это психологический показатель, который позволяет определить позицию человека на шкале от моногамии до полной сексуальной неразборчивости. SOI-R определяют с помощью специальных опросников. Оказалось, что в обеих выборках — британской и американской — и среди мужчин, и среди женщин четко выделяются два фенотипа: один с низкой социосексуальностью, другой с высокой. Соотношение особей, склонных к промискуитету и моногамии, у мужчин 57:43, у женщин — 47:53.

Среди людей много и «гулен», и мечтающих о единственной любви до гроба. Исследователи подтвердили это статистически, чем и гордятся. Они также подчеркивают, что впервые обнаружили такое разделение у женщин. Все-таки принято было считать, что полигамность свойственна главным образом мужчинам. Но оказалось, что две стратегии поведения присущи каждому полу, причем примерно в равной пропорции. Странно, что пальцевой индекс и SOI-R ученые определяли в разных выборках. Возможно, они приложат оба критерия к одной группе людей и докажут, что между этими показателями существует связь. Хотя, конечно, уровень тестостерона у плода не единственный фактор, определяющий половое поведение взрослого человека. Кроме того, исследователи пока не могут ответить на вопрос, какая польза человеку от существования двух репродуктивных фенотипов с эволюционной точки зрения.

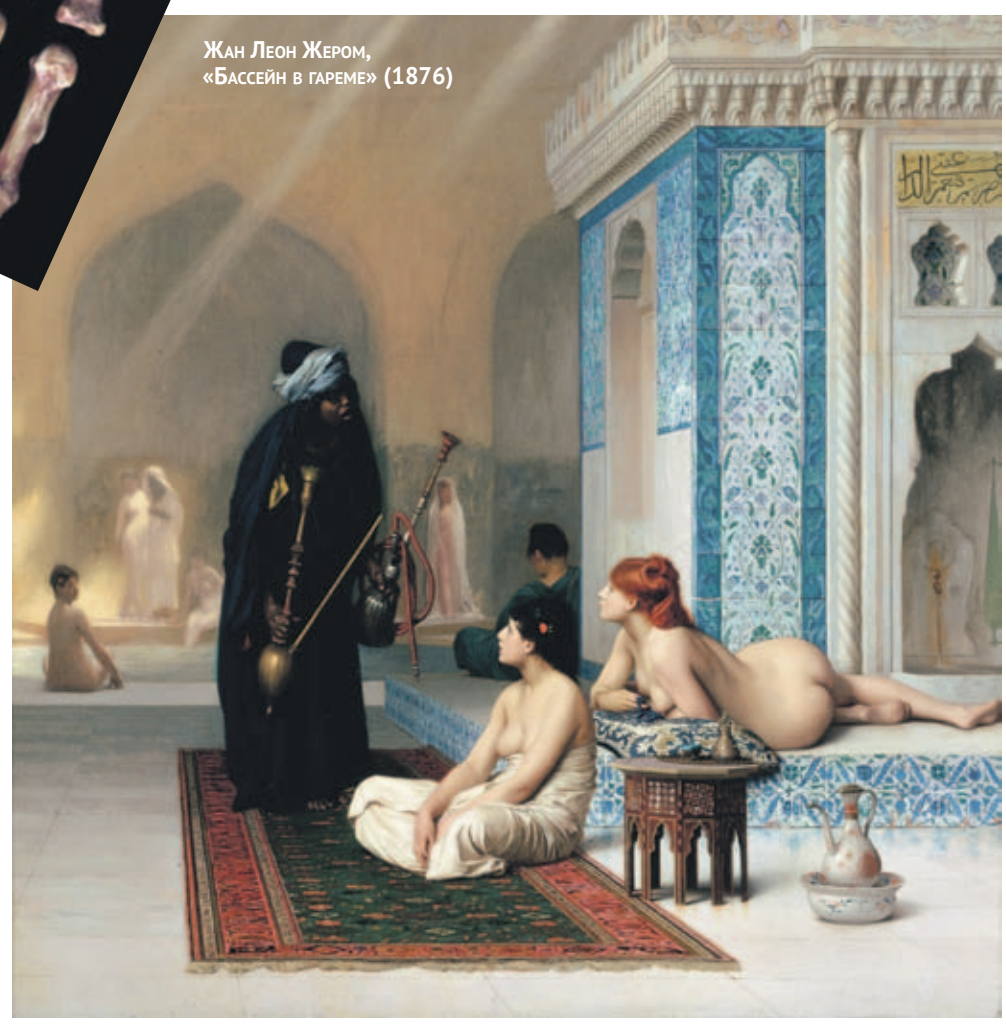
А теперь о грустном. Связь пальцевого индекса со склонностью к промискуитету или моногамии — статистическая, она дает возможность определить группу людей с донжуанскими идеалами, но не позволит угадать, будет ли верен ваш избранник или избранница.

1. Wlodarski R., Manning J., Dunbar R.I.M. ***Stay or stray? Evidence for alternative mating strategy phenotypes in both men and women*** **// Biol. Lett. 2015, 11: 20140977.**

3. Nelson E, Rolian C, Cashmore L, Shultz S. ***Digit ratios predict polygyny in early apes, Ardipithecus, Neanderthals and early modern humans but not in Australopithecus*** **// Proc. R. Soc. B, 2011, 278, 1556–1563.**



Испанопитек. Реконструкция l'Institut Català de Paleontologia Miquel Crusafont, a Sabadell, Vallès Occidental (с сайта «Википедия»)



Жан Леон Жером, «Бассейн в гареме» (1876)

Здоровый не значит живой!

Фото Сергея Ковалёва

Вульфа Шифенхёвела *(Wulf Schievenhövel) можно смело назвать мэтром немецкой эволюционной и антропологической медицины. В числе прочего его исследования изменили процедуру родовспоможения в западных странах, отношение к кормлению грудью. В Россию он приехал по приглашению Новосибирского государственного университета. Свои лекции профессор Шифенхёвел читал не только студентам и коллегам, но и широкой общественности — в рамках программы научного кафе «Эврика» — недавного номинанта на премию «За верность науке» Минобрнауки. Послушать руководителя исследовательской группы по этологии человека при Институте орнитологии Общества Макса Планка, профессора Университета Инсбрука и Университета Мюнхена в неформальной обстановке собралось около 200 человек. Мы не могли отказать себе в удовольствии задать ему несколько вопросов. Беседовала* ***Юлия Черная.***

— Вы возглавляете группу этологии человека в Институте орнитологии. Вам не кажется это парадоксом? Зачем в Институте орнитологии лаборатория этологии человека?

— Конрад Лоренц — один из основателей этологии. И изучал он не человека, а в основном птиц, причем в первую очередь птиц водоплавающих. Особенно широко известны работы Лоренца об импринтинге: если гусенок, вылупившись, первым увидит человека, издающего звуки, похожие на звуки, издаваемые гусыней, то он будет считать этого человека своей матерью. Процесс этот очень быстрый и необратимый. Так что этология и орнитология тесно связаны исторически.

Но не только мою сегодняшнюю работу и мой институт связывают с Лоренцем тесные исторические связи. Лоренц в 1940–1941 годах работал в городе, который сегодня называется Калининградом, на той же кафедре, где когда-то работал Иммануил Кант. Но потом Лоренца призвали солдатом на фронт. Оттуда он попал в плен и очутился в советском лагере. Где и прожил с 1944 по 1948 год. Естественно, в лагере у него не было ни нормальной бумаги, ни нормальной ручки. Но все эти годы Конрад писал свой труд об этологии животных и человека на слоях бумаги, которые ему удавалось очистить и отодрать от мешков из-под цемента. Он написал целую книгу на этих кусочках мешков. Дочь Лоренца смогла обработать и издать эту книгу только в 1992 году. Примечательно, что в конце срока к Лоренцу обратился сотрудник НКВД, который предложил продолжить работу на пишущей машинке, но предупредил, что один экземпляр книги останется в СССР. С тех пот этот экземпляр так и хранится в Москве в Российском государственном военном архиве.

— Эволюционная медицина помогает разобраться в причинах появления некоторых заболеваний. Но помогает ли она лечить?

— В некоторых случаях да. В других она заставляет пересмотреть наши взгляды на болезни. Например, одно из первых важных открытий в этой области было связано с серповидной клеточной анемией. В Восточной Африке очень высок процент этого заболевания. Вы, наверное, знаете, что при этом клетки эритроцитов меняют свою форму и напоминают скорее серп, а не подушечку, как должны. В итоге эритроциты хуже переносят кислород. Но к таким клеткам хуже прикрепляются и плазмодии, переносящие тропическую малярию. Получается, болезнь защищает жителей Восточной Африки от смерти! Это было контринтуитивно. С давних времен медики придерживались мнения, что здоровье и долгая жизнь — это отсутствие заболевания. Но эволюция в данных условия поставила именно на больных людей. Подобные примеры можно найти и в других частях света. Те же самые эритроциты у многих жителей Тихоокеанского региона необычной овальной формы, и это тоже защищает их от малярии.

— Это всё же пример весьма специфического заболевания и специфических условий. А может ли нам помочь эволюционная медицина с более распространенными заболеваниями?

— Наш западный мир, включая Россию и Китай, столкнулся с проблемой ожирения. Но это легко понять, если смириться с тем, что наши тела заточены под поиск легкоперевариваемых сахаров. Когда-то такая «страсть» помогала нам выжить: оставаться активными, работать, охотиться. В нашем мире магазинов и супермаркетов доступ к легкоперевариваемым сахарам стал слишком простым. Те эволюционные механизмы, которые когда-то помогали нам выжить, теперь делают нас больными. Жители традиционной Новой Гвинеи не знают, что такое гипертония или инсульты. Интересно, что когда те же самые люди переехали на материк, начали жить в городах, у них начались хорошо известные нам проблемы со здоровьем: ожирение, проблемы с сердцем и давлением.

Или другой бич современной цивилизации — депрессии и повышенная тревожность. В Германии, например, жизнь можно было бы назвать очень безопасной — у нас нет боевых действий, нет эпидемий; если вы потеряли работу или заболели, государство позаботится о вас. И тем не менее, именно в современной Германии много пациентов с повышенной тревожностью.

У нас зафиксирован рост количества больных с хроническими болями. Сегодня медики придерживаются мнения, что если человека не избавить от боли вовремя, давая обезболивающие, боль станет хронической. Я с таким мнением категорически не согласен. Я уверен, что нам надо учиться справляться с болью, надо учить наши тела вырабатывать эндорфины и другие «естественные обезболивающие». Думаю, нам нужно немного вернуться в эволюционное прошлое и использовать данные природой механизмы наряду с антибиотиками, современными лекарствами и новейшими методами исследования.

— Вы изучаете антропологическую медицину. Это изучение традиционной медицины? Вы приветствуете такие методы лечения?

— Ну, в некоторых случаях в этих методах есть рациональное зерно. Но не стоит преувеличивать народную мудрость… У меня вместо ног — два стальных протеза. У меня полно стали в руках. Поэтому мне, конечно, было бы неуместно жаловаться на современную медицину. И я ни в коем случае не призываю отказаться от ее достижений. Но человечеству стоит задуматься о своем образе жизни, меньше есть, уделять внимание физической активности, жить в семьях… Не удивляйтесь, семья защищает нас, она придает нашей жизни смысл. Не стоит отказываться от всех ритуалов, доставшихся нам от предков, — они тоже защищают. Избавляют от той самой тревожности и депрессии.

— В том числе и вера?

— Вот я атеист. Но при этом знаю, что верующие люди живут дольше. Даже не понимаю, что мне делать с этим знанием…

— Чему посвящены Ваши последние исследования?

— Приведу два примера исследований, в которых сейчас активно участвую.

Согласно нашим данным, менструации у девушек в Новой Гвинее начинались примерно в 17 лет. В последние годы их образ жизни изменился. В том числе изменилось питание: они стали использовать масло для приготовления пищи, есть больше рыбы и т.д. И мы наблюдаем уменьшение возраста первых менструаций: теперь они начинаются у девушек в 13 лет, зафиксированы случаи у восьмилетних. В России и Германии этот возраст в среднем — 12 лет. Конечно, это безумие: они, по сути сами еще дети, могут уже иметь свое потомство!

Еще один проект основан на археологических и этнографических данных. Вы, наверное, замечали, как часто отдельные части тела и разные украшения используют для демонстрации принадлежности к той или иной этнической группе. Кто-то делает бусы из костей, кто-то из зубов, а кто-то из камней или ракушек — в том числе и это отличает разные этнические группы. Наши критики говорят, что в эпоху палеолита не было этнических групп, не было иерархии — привлекать археологию бесполезно. Но сегодня в Новой Гвинее мы видим тысячи этнических групп. Пока мы не можем это объяснить, и, думаю, стоит поискать ответ в прошлом.

— Вы изучаете в основном народы Океании, в том числе Новой Гвинеи. Влияют ли эти исследования на жителей Вашей страны?

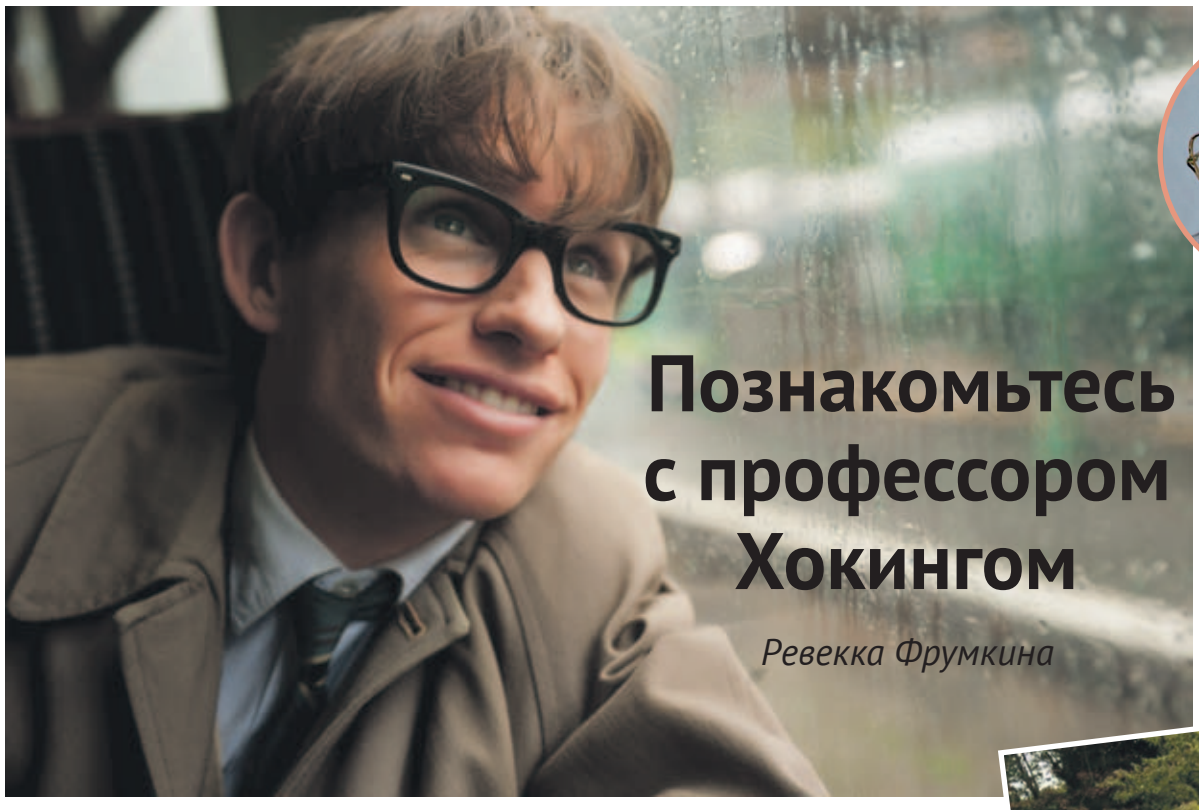
— И да, и нет. Например, одна из самых моих значимых работ за последние 40 лет касалась традиций родовспоможения. Мне удалось убедить моих коллег-медиков в важности для женщин вертикального положения тела при родах и социального понимания. Идеальное место для родов — дом, а не больница, именно он является территорией женщины. Думаю, в том числе и благодаря моей работе процесс родов в Германии сильно изменился.

Кроме того, я много говорил о том, как важен контакт ребенка с матерью: нужно больше физического взаимодействия, нужно увеличить период кормлению грудью. Я могу с гордостью констатировать, что изменения произошли. Конечно, не только благодаря мне…

Другие темы, которые я поднимал, пока понимания у широких масс не нашли.

— Вы можете привести примеры таких «недооцененных исследований»?

— Я, если позволите, приведу два примера. Прежде всего — о роли бабушек. Мы с коллегой на основе этого исследования написали книгу. Понимаете, женщинам нужно гораздо меньше времени на достижение репродуктивного возраста и воспитание потомства, чем они живут. Возникает вопрос: зачем у женщин появилась такая продолжительность жизни в ходе эволюции? Я думаю, что у них заложено время, чтобы побыть бабушкой — помочь воспитать потомство своих детей. Эта идея очень не нравится феминисткам, и я не уверен, что когда-нибудь она будет иметь большое влияние. Второе исследование касается религии. Я издал книгу о том, почему, на мой взгляд, человеческие существа так религиозны. Даже если они не религиозны в привычном понимании этого слова, то создают квазирелигию: гороскопы, гадания, приметы… Пока общество не готово принимать эти исследования. Но я надеюсь… ◆



Познакомьтесь с профессором Хокингом

Ревекка Фрумкина

Пока я размышляла о фильме Павликовского «Ида» (ТрВ-Наука № 173), он получил «Оскара». И тогда я решила посмотреть, за что еще в 2015 году дали эту премию. Я выбрала три фильма: «Всё еще Эллис» (из-за моей любимой актрисы Джулианны Мур), «Теория всего» — «Вселенная Стивена Хокинга» (чтобы понять, как можно вообще сделать (а) фильм об ученом и (б) о столь тяжело больном человеке) и «Бёрдмэн» (чтобы узнать, что нынче считается «лучшим» фильмом).

«Бёрдмэна» (Birdman) я с трудом досмотрела до конца, и обсуждать его мне не хочется. Зато в фильме «Всё еще Эллис» Джулианна Мур (Julianne Moore) прекрасна, как всегда. И однако…

Итак, Эллис: красивая женщина лет сорока пяти, хозяйка большого уютного дома и мать троих взрослых детей, человек открытый и творческий, к тому же университетский профессор. Завязка фильма состоит в том, что у Эллис появляется несвойственная ей рассеянность и забывчивость. У нее находят болезнь Альцгеймера, что для заболевшего в цветущем возрасте означает не просто плохой, но катастрофический прогноз: быстрое развитие болезни и угасание.

И вот мы видим героиню Мур с небрежной прической и застывшим взглядом, неподвижно и, видимо, давно сидящую в кресле… Эллис, однако, готова к борьбе с болезнью — уже не полагаясь на свою память, она *пишет* текст своего выступления на конференции по борьбе с болезнью Альцгеймера, и вот ее речь сочувственно приветствует аудитория…

Тут мне следовало бы написать «занавес», поскольку этим сюжет фильма исчерпывается. Увы, Джулианне Мур в этом фильме, по существу, нечего играть.

Но можно ли вообще *показать* что-либо на эту или подобную тему?

Вообще-то можно. Примером может служить фильм Ричарда Айра (Richard Eyre) «Айрис» (2001), где показана страдающая именно от болезни Альцгеймера замечательная английская писательница Айрис Мёрдок (Jean Iris Murdoch, 1919–1999).

Ближе к концу смотреть фильм тяжело, и всё же болезнь Альцгеймера лишь заключительная «глава» в жизни Мёрдок: писательница заболела в глубокой старости, а фильм Айра охватывает всю ее жизнь. Там рассказывается и о юности Айрис, и о многих годах совместной жизни совершенно особенной супружеской пары — Айрис Мёрдок и профессора Джона Бейли, взявшего на себя все тяготы их последних совместных лет.

Ревекка Фрумкина

При некоторой сумбурности в фильме чувствуется подлинность — режиссер сумел донести до нас многое из книги мемуаров ныне покойного Джона Бейли (см. Bayley, John. *Iris: A Memoir of Iris Murdoch*. Gerald Duckworth & Co. Ltd, 1998).

Герой фильма «Теория всего» тоже тяжелобольной человек. Это великий физик Стивен Хокинг. Не меньшее внимание уделено его героической жене Джейн: в основу фильма положены ее мемуары. Фильм «держится» на исполнителе сложнейшей главной роли — британском актере Эдди Редмэйне (Eddie Redmayn).

Сыграть гения очень трудно, а сыграть искалеченного гения не вызывая жалости — так и вовсе на грани возможного. Но это получилось. Мужество Хокинга поражает, мы сострадаем. И преклоняемся.

Фильм поставил английский режиссер-документалист Джеймс Марш (James Marsh). Интересен его взгляд на собственную работу: Марш считает, что его фильм — это прежде всего рассказ о любви Стивена и Джейн, потому что *физик* Хокинг и без очередного фильма о нем пользуется всемирной известностью.

Эдди Редмэйн в одном из интервью рассказал о том, как готовился к исполнению роли Хокинга. Он читал истории болезни людей, страдающих боковым амиотрофическим склерозом, знакомился с пациентами, посещал их в больницах, изучал литературу и месяц подряд посещал соответствующую клинику.

Наконец за неделю до начала съемок актеру удалось лично познакомиться с героем фильма. Правда, Хокингу уже за семьдесят, а фильм показывает его в молодости. Основное, что Редмэйна поразило в Хокинге, — живость и склонность к юмору. И как бы мимоходом Эдди Редмэйн сообщает, что и сам учился в Кембридже — это тоже помогло в работе над ролью Хокинга (действие в основном там и происходит).

Мы давно не видели в кино молодого актера, который, судя по исполнению им роли Хокинга, может *всё*. Надо бы посмотреть другие фильмы с его участием.

Read More: Director James Marsh Explains Why He'll Never Watch 'The Theory of Everything' Again http://screencrush.com/james-marsh-the-theory-of-everything/?trackback=tsmclip

Обаятельный тиран

Человеческая история императора Павла I

Дарья Лебедева

Шумигорский Е.С. Император Павел I: жизнь и царствование. Предисловие, комментарии Л.В. Беловинского. — М.: ГПИБ, 2014. — 336 с.

Даже сегодня многим четырехлетнее правление императора Павла I представляется трагикомическим эпизодом между царствованиями Екатерины Великой и Александра I. Насильственная и жестокая смерть несчастного царя была встречена всенародным ликованием, а годы «*владычества ужаса*» сразу были вычеркнуты из народной памяти. Историю правления Павла I долгое время никто не исследовал, оставляя за императором привычный ярлык деспота, самодура и коронованного негодяя. Первые попытки объективного изучения павловского периода были предприняты только в первое десятилетие XX века, когда наряду с работами В.О. Ключевского и Н.К. Шильдера вышло и исследование Евгения Севастьяновича Шумигорского. По словам Л.В. Беловинского — современного историка и автора предисловия к данному переизданию, — труд Шумигорского отличает «*стремление к объективной оценке героя его книги*». Это не только один из первых, самых важных шагов на пути восстановления справедливости по отношению к осмеянному и опороченному русскому императору, но и яркая книга в жанре исторической биографии, в которой автору удалось воссоздать характер и сложнейшую личность «русского Гамлета», рассказать живо и искренне его непростую и полную противоречий историю.

Шумигорский объемно и многогранно воссоздает личность, характер, травмирующие обстоятельства детства и молодости своего героя, находит в общественной и личной почве корни причин то благородных и рыцарских, то мелочных и глупых решений императора. Самым значительным фактором автору представляется само положение Павла до смерти императрицы Екатерины — шаткое, ненадежное, второстепенное и уязвимое. До сорока двух лет официальный наследник престола, жаждавший принимать деятельное участие в управлении государством, имевший множество свежих идей и решений, обладавший для этого и силами, и желанием, и способностями, жил удаленно от двора, не воспринимаемый всерьез ни обществом, ни собственной матерью. Король Пруссии Иосиф II писал о Павле: «*Великий князь обладает многими качествами, которые дают ему полное право на уважение; тяжело, однако, быть вторым лицом при такой государыне*». Тем временем «*высшие чины двора и империи… привыкли относиться к Павлу как мертвому человеку*». Десятилетиями в нем бурлили и плавились идеи обновления, приведения в порядок страны, отягощенной войнами и внутренними бедствиями, пока блестящее екатерининское дворянство проводило время в транжирстве, балах и пьянстве. «*Это отчужденное положение, оскорбительное для самолюбия цесаревича, жаждавшего деятельности и желавшего быть полезным отечеству, вызывали в нем раздражение, которое, не проявляясь наружу, уходило вглубь души Павла, становилось интенсивнее, и Павел Петрович постепенно превращался в задумчивого, угрюмого, желчного человека*».

В 1776 году, за двадцать лет до воцарения на троне, Павел Петрович писал одному из своих друзей: «*…для меня не существует ни партий, ни интересов, кроме интересов государства, а при моем характере мне тяжело видеть, что дела идут вкривь и вкось и что причиною тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за дело неправое*». Так и вышло. Еще при жизни матери политическая программа Павла полностью сформировалась. Он видел, что «*Россия имела насущную потребность устроить свои дела внутренние: установить на твердых началах законодательство, развить промышленность и торговлю, организовать ответственную перед законом администрацию, которая была бы выражением власти „для всех одинаково доброго монарха, а не господствующего в государстве сословия“*». Описывая доимператорское бытие цесаревича, Шумигорский отмечает, что «*этой программе Павел Петрович в сущности оставался верен до конца своей жизни, и в дальнейшем изложении его жизни и деятельности нам остается только проследить, под влиянием каких обстоятельств и в какой мере первоначальная программа эта постепенно видоизменялась к худшему, одновременно с изменением тоже к худшему любезного, благородного характера ее царственного автора*».

Наконец Павел становится императором — этому самому короткому по времени этапу его жизни Шумигорский отводит большое место в своем исследовании, однако первая небольшая часть о детстве и взрослении будущего царя, как яркая лампа, иначе высвечивает все те факты и события, какие черпает читатель из главы второй. Получив долгожданную власть в свои руки, сбросив иго великой, но глубоко неправой, по его убеждению, матери, Павел стремительно принимается за преобразование всех аспектов жизни страны. Поскольку «*теневые стороны картины царствования Екатерины давно были сознаны ее сыном и наследником*», он начинает яростную борьбу «*с установившимися в последние годы царствования Екатерины злоупотреблениями, проникшими во все стороны государственной и общественной жизни*», «*этим объясняется порывистость в его распоряжениях: он ломал то, что попадалось ему на глаза, большое или малое, в пылу борьбы с остатками прошлого, не отдавая себе отчета в размерах зла, сопровождавшего эту ломку*». Внезапность и суровый характер принятых Павлом мер, имевших целью прекратить «*ненавистный для него служебный „разврат“ дворян*», «*после привольной жизни при Екатерине произвели ошеломляющее действие*». В народе же «*издавна, еще со времен Пугачевского бунта, сложилось представление о наследнике Екатерины как о будущем своем заступнике*», и эти ожидания император Павел оправдал, своими реформами значительно облегчив участь крестьянского сословия.

Дальнейший сюжет известен — Павла любили крестьяне и солдаты, но окружен он был теми, кто его ненавидел, — аристократами и офицерами. Это подогревало параноидальную подозрительность императора, а портящийся с годами характер искрил вспышками внезапного гнева, несправедливых наказаний и удалений от двора последних из тех, кто был предан ему. Противореча своим прежним утверждениям, Шумигорский пишет: «*Деспот желал иметь возле себя одних лишь рабов — и в этом заключался главный источник его гибели*». Проблема, однако, была не в этом, и сама ткань выстроенных историком событий подсказывает истинную причину трагедии: «*Всегда простосердечный, искренний, государь искал искренности в других*» — и не находил. Искренность не то качество, которое свойственно придворным. Последний эпизод из жизни Павла Петровича — тот единственный, который прекрасно сохранился в народной памяти, — после изложенных Шумигорским обстоятельств жизни и правления императора производит жуткое впечатление: циничное убийство и последовавшее за ним «всеобщее» ликование оттенялось «*настроением солдат, мрачным и молчаливым*», их оппозиционной реакцией: «*Для нас он был не тиран, а отец*». Но историю пишут победители, и имидж Павла начнет меняться к лучшему только век спустя. ◆

Тоннель, залитый кровью и мраком

Как началась Первая мировая

Хейстингс М. Первая мировая война: катастрофа 1914 года. Пер. с англ. М. Десятовой. — М.: Альпина нон-фикшн, 2014. — 604 с.

Британский историк и военный журналист сэр Макс Хейстингс, уже прославившийся за рубежом книгой о Второй мировой «Ад на земле» (вышла в России в прошлом году), к столетию Первой мировой написал объемный том, посвященный началу масштабного конфликта. Цитируя Андре Жида: «*Мы входим в длинный тоннель, залитый кровью и мраком*» и Уинстона Черчилля: «*Из всех этапов Великой войны интереснее всего начало. Размеренное, молчаливое сближение гигантских сил, неопределенность их действий, череда неизвестных, непостижимых фактов, которые привели к первому столкновению в этой непревзойденной драме*», Хейстингс так объясняет свой выбор: «*начало Великой войны носит уникальный характер и вполне заслуживает отдельного рассмотрения*».

Действительно, подробное исследование всех аспектов первых месяцев мирового вооруженного конфликта помогает понять уникальность этой войны. Хейстингс под лупой рассматривает период, когда «*романтические представления о войне*» были полностью уничтожены в окопах, под артиллерийскими обстрелами и первыми бомбардировками. В начале войны французские офицеры по старой традиции выезжали на поле битвы на конях, с развевающимися знаменами и под барабанный бой, верили в военный «кодекс чести». Многие руководители европейских армий всё еще полагались на силу «кура- жа», на то, что храбрость и боевой настрой определяют исход сражения. Понадобились месяцы кошмара и огромные потери в личном составе, чтобы понять, что правила изменились и «*теперь войной правят массы, деньги и машины*», а «*„пушечное мясо“ — невосполнимый ресурс*». О том, как в первые месяцы Первой мировой были похоронены старые добрые военные традиции, о том, как «*заграждения из колючей проволоки ширились, хотя до фантастических размеров в последующие годы им было еще далеко*», о том, как постепенно каждый участник — от рядового до главнокомандующего, от безутешной вдовы до могущественного политика — осознавали, что эта новая война не будет быстрой и победоносной ни для одной из сторон, об этих внутренних и внешних переменах и написана книга Макса Хейстингса. Приведенные историком свидетельства многих участников событий и наблюдателей объединяет ощущение, точно описанное Жоржем Клемансо: «*Мы привыкли представлять себе солдата, сцепившегося с врагом… Но куда сложнее набраться мужества, чтобы выдерживать вынужденное бездействие под градом снарядов. Куда суровее испытание лишениями, которые длятся бесконечно и поглощают все физические и душевные силы*».

Книга Хейстингса — прежде всего документ человечности. Автор — не только историк, но и военный журналист, на собственной шкуре познавший, что такое современная война, — много внимания уделяет чувствам и ощущениям рядовых участников войны, их реакциям, настроениям и подробностям их быта. Лучшее, что есть в этой книге, — детали, картинки и зарисовки, собранные из множества личных документов и мемуаров: «*Офицер резерва Роланд Вюстер впервые вытащил револьвер, чтобы пристрелить захромавшую лошадь. Он выстрелил три раза, однако несчастное животное сумело подняться на ноги и побрело прочь — тогда взбешенный офицер велел лейтенанту добить лошадь киркой*». Или невероятной силы сцена мобилизации немецких войск из дневника двенадцатилетней школьницы: «*Стройными рядами они заполняли станцию, словно серые приливные волны. У каждого цветочная гирлянда на шее или букет в петлице. Из дул винтовок торчали астры, левкои и розы, словно солдаты собирались стрелять по врагу цветами*». Великие трагедии высвечивают не только худшие человеческие стороны, но и — парадоксально — весь заключенный в нас свет, доброту, стремление к покою и нормальной жизни. Хейстингс наполнил свое повествование историями о спонтанных проявлениях доброты по отношению к противнику, порожденных непониманием рядовыми участниками целей войны: «*Вчера вы с ними враги, сегодня союзники, и ни они, ни вы не знаете почему. Мы лишь игрушки, марионетки*». Не случайно книгу о самом жутком эпизоде начала XX века Макс Хейстингс заканчивает главой о кратких рождественских перемириях, которые «*стали для потомков ярким символом бессмысленности военных действий без подлинной враждебности и цели*». Этот момент — один из образов Первой мировой, сохранившийся в массовом сознании наряду с другими штампами: «*траншеи, грязь, колючая проволока и окопные поэты*». Но этот момент важен для понимания характера конфликта и серии революций и бунтов, в некоторых странах его завершивших: «*Командование противоборствующих сторон постаралось не допустить рождественских перемирий такого же масштаба в последующие годы, но всё же предотвратить неофициальные проявления сочувствия — „живи и дай жить другим“ — с обеих сторон, ставшие характерной чертой конфликта на всех фронтах, оказалось им не под силу*».

К концу 1914 года война вошла в стадию долгих окопных осад, когда «*в ходе рутинных для траншейной войны действий — вылазок, дозоров, снайперской стрельбы, внезапных обстрелов и локальных атак*», а также от холода, голода, болезней, ранений, гангрены и других факторов, ставших частью повседневной жизни, умирало огромное количество людей: «*Грохот орудий и разрывов уже в печенках сидит. Конечно, об опасности продолжаешь помнить, но всё затмевает собой тоска*». И это «*растущее ощущение бесполезности всего происходящего, усиливающееся с каждой боевой операцией*» стало основным чувством солдат на передовой. Следующие четыре года позиционного тупика постепенно разрушали изнутри армии и империи, сводя на нет первоначальный патриотизм, веру в справедливость и необходимость кровопролитных сражений, в общем, как писали историки Джон Хорн и Алан Крамер, «*война как процесс угрожала затмить моральное и политическое значение ее исхода*». Таким образом, к концу 1914 года война «*превратилась в отвратительное бремя, которое каждый нес в меру своей стойкости*».

Чего не хватает этому объемному тому? Профессионального исторического анализа, обобщений и выводов, а иногда даже хотя бы логичности в изложении событий и фактов. Хейстингс, перелопативший огромное количество источников и историографии, порой путается, захлебывается в этом море и громоздит друг на друга свидетельства, эмоциональные высказывания, маленькие забавные (и не очень) факты, чтобы проиллюстрировать то или иное свое утверждение, но вместо этого запутывает и сбивает с толку читателя. Бывает, автор перегибает палку и скатывается в кинематографический пафос, и тогда проскальзывают эпатирующие пассажи: «*Целую неделю после катастрофы по Саве и Дрине плыли тела погибших австрийцев*» или «*Мир услышал погребальный звон по империи Габсбургов*». Но это не умаляет достоинств книги, главным героем которой остается человек на войне — и неважно, какой он национальности и на чьей стороне сражается. Хейстингс детально воссоздает вещный мир Великой войны — тот мир, через который сегодня мы можем прикоснуться к трагедии столетней давности. ◆

Путь лингвиста и переводчика:

от Бретани до Месопотамии

Анна Мурадова,
ст. науч. сотр. Института языкознания РАН

Послушав, как Стив Хьюит говорит по-бретонски, можно подумать, что он родился где-нибудь на живописной ферме в центральной части Армориканского полуострова и с детства слушал сказки, которые старики в широкополых шляпах и деревянных башмаках во время оно рассказывали целыми вечерами, собрав домочадцев у очага. Образ доброго бретонского дядюшки дополняют пышные усы, чуть насмешливый взгляд, чуть медлительные движения уверенного в себе человека. Ни дать ни взять материал для этнографической зарисовки. Однако на самом деле Стив — американец, и, хотя на бретонских фермах ему довелось поработать, он прежде всего лингвист, переводчик и полиглот. Как и многим исследователям, оказавшимся на распутье, ему пришлось сделать непростой выбор между научной деятельностью и работой, приносящей деньги. Он выбрал и то и другое.

— Стив, как и почему Вы заинтересовались лингвистикой?

— Я родился и вырос в США, в штате Виргиния. Мой родной язык — английский, но моя мать немного говорила по-французски, и я помню, как она разговаривала на этом языке. Но по-настоящему мой интерес к языкам проснулся в Англии, куда я уехал учиться в гимназии. Там у студентов был выбор: учить латынь или один из современных языков по выбору. Я выбрал немецкий, хотя уже учил французский. Возможно, именно это решение повлияло на мое увлечение языками.

Проходя обучение в Англии, я жил в доме друзей моей семьи в Кенсингтоне, в Лондоне. По вечерам я часто ходил в Кенсингтонскую публичную библиотеку, чтобы готовиться к занятиям. Библиотека специализировалась на изданиях, посвященных изучению современных языков. На полке рядом со столом, где мне было удобнее всего заниматься, в открытом доступе находились две уникальные книги, которые буквально перевернули всю мою жизнь. Первая — оригинальная копия «Норвежской грамматики» Ивара Осена. Я в то время ради развлечения уже начал учить норвежский. Для англоговорящего, изучающего немецкий, это не такая уж и трудная задача. Ивар Осен был бродячим учителем, который обошел всю Норвегию, попутно собирая диалектологический материал, на основе которого он создал письменный вариант норвежского, точнее всего отражающий особенности живой речи. В его основу легли наиболее консервативные диалекты западных фьордов. Меня заворожила сама эта история…

Вторая книга — «Бретонская историческая фонология» Кеннета Джексона. Книга объемная, больше тысячи двухсот страниц. Благодаря этим двум книгам я стал лингвистом.

— Когда Вы впервые побывали в Бретани?

— Когда отправился на летнюю языковую школу от Французского альянса. Студенты должны были провести две недели в Париже и еще две недели в одной из провинций по выбору. Я выбрал Бретань, город Кемпер, где услышал бретонский язык из уст Лоейза Ропарза, который балагурил с танцорами на Корнуайском фестивале. Я приобрел учебники Ропарза Эмона и Стефана-Сеите (выбор учебных пособий тогда ограничивался только этими двумя книгами). Нашел я их в лавочке Ti Laouen госпожи Кемере, которая позже превратилась в магазины Ar Bed Keltiek Гвельтаза ар Фюра. Меня несколько смутило то, что в каждой из книг используется своя орфография, но я не сдавался и вскоре овладел основами языка. После я не раз возвращался в Бретань и работал на фермах: в 1970-м и 1973 году я всё лето провел в полях, а в 1972-м приехал на Пасху. В 1970 году я поехал в Трегьер — бретоноговорящую область на северо-востоке Бретани, — в местечко Ар-Зейс-Сант (Семеро Святых), чтобы встретиться с Энри Иллионом, «кельтским монахом», о котором я много читал до этого. Там я познакомился с Анаис, хозяйкой местного кафе, и ее муж Франсуа отвез меня к известной всем бретоноязычным читателям деревенской поэтессе Анжеле Дюваль, которая позже стала моим хорошим другом и оказала на меня огромное влияние.

Выбор был сделан: местечко Ар-Зейс-Сант и вся Трегьерская область стали моей «бретонской родиной». Именно там я провел почти всё лето 1973 года, а мой бретонский зазвучал совсем по-местному. Шесть недель я провел на ферме Анжелы Дюваль, помогал ей заниматься сельским хозяйством, а по вечерам мы говорили о том и о сем касательно кельтов.

В 1971–1974 годах я учился в Кембридже. Еще до поступления в университет я провел семь месяцев в Стокгольме, так что шведский стал для меня основным скандинавским языком, слегка потеснив норвежский. Я свободно читал по-немецки и по-русски, но забросил немецкий ради шведского на третьем году обучения, так как хотел учиться вместе с поэтом Йораном Принц-Полсоном, который был моим хорошим другом до самой своей смерти в 2004 году. К тому же я в те годы встречался с девушкой из Швеции, так что языковая практика у меня была всё время. Недавно я выяснил, что даже по прошествии стольких лет я почти не забыл шведский. Мне довелось поехать в Швецию с моим англоязычным коллегой. Наши шведские собеседники отлично владели английским, но если кто-то из них беседовал со мной один на один, то тут же переходил на шведский. Это меня очень порадовало.

— Вернемся к кельтским языкам. Вы ведь не ограничились бретонским?

— В последние три года учебы в Кембридже за неимением бретонцев я окружил себя валлийцами. Это было настоящее погружение в валлийский язык, который, к моему разочарованию, не был похож на бретонский настолько, насколько я ожидал. Строго говоря, я не учил валлийский язык в то время, но когда в 1974 году отправился в Аберстуит, казалось, что говорю по-валлийски достаточно для того, чтобы со мной отказывались говорить на английском. После года пребывания в Аберстуите я свободно заговорил на местном кардиганском диалекте. За время пребывания в Аберстуите я должен был подготовить магистерскую диссертацию по бретонскому языку. Для полевых исследований мне снова пришлось отправиться в Ар-Зейс-Сант, а в 1976-м я закончил диссертацию и защитил ее в Аберстуите, после чего вернулся в Кембридж, где проучился еще год и получил диплом лингвиста, причем упор делал на порождающую грамматику. Тема моей 60-страничной дипломной работы звучала так: «Приемлемость литературного бретонского исконными носителями бретонского языка». Очень жалею, что не смог опубликовать эту работу в то время.

— Как сложилась Ваша профессиональная жизнь? Насколько Ваша работа была связана с лингвистикой?

— Я начал работу над докторской диссертацией, темой которой стало возрождение бретонского языка, однако гранта, выделенного на исследования, хватило всего на год. Я переехал в Бретань, в мой Ар-Зейс-Сант, и со временем нашел работу в Бресте. Там я начал серьезно изучать арабский, поскольку в школе телекоммуникаций, где я преподавал английский, арабский тоже был включен в программу. Мой учитель был родом из Сирии. Он очень помог мне в изучении совершенно нового для меня языка.

В один прекрасный день я увидел объявление: Организация Объединенных Наций объявляет конкурс для переводчиков. Конкурс проходил в Лондоне, и я отправился туда. Я сдал тест для переводчиков с французского на английский и заодно с русского на арабский. Возможно, именно комбинация этих языков стала решающим аргументом в пользу того, чтобы взять на работу именно меня. Так началась моя работа в Экономической и социальной комиссии ООН для Западной Азии (ЭСКЗА). В 1988 году я трудился в Багдаде, а через два года, в 1990-м, началось вторжение Ирака в Кувейт. Нас эвакуировали, и несколько лет я в качестве переводчика был на авансцене политических событий, связанных с кризисом в Персидском заливе. Например, я переводил письмо иракского министра Тарика Азиза, адресованное Совету безопасности и положившее конец военному конфликту.

Позже, в 1991 году, комиссия обосновалась в Аммане, столице Иордании. Я не хотел продолжать работу в ООН, так как условия работы в Иордании были менее выгодными, чем в Ираке, а переезжать в Нью-Йорк и работать там мне совсем не хотелось. Я сделал выбор в пользу работы в ЮНЕСКО и с 1994 года обосновался в Париже, что позволяло мне снова и снова отправляться на выходные в мою любимую Бретань. Новую работу мне удалось совместить с исследовательской деятельностью. Я смог публиковать научные статьи и участвовать в конференциях.

— Ваша работа была каким-то образом связана с Вашей исследовательской деятельностью? Что делает ЮНЕСКО для поддержки малых языков, таких как бретонский?

— ЮНЕСКО уделяет прискорбно мало внимания миноритарным языкам. Существует программа, посвященная языкам, находящимся в опасности, но не совсем понятно, какие практические выходы она имеет, да и действия в рамках этой программы активными не назовешь.

Вообще, многие не совсем верно представляют себе деятельность ЮНЕСКО и думают, что это независимая организация, которая бесстрашно защищает угнетенных, возрождает языки и культурные памятники. Они забывают, что ЮНЕСКО — это межправительственная организация, то есть представитель правительств государств-участников. И, разумеется, ЮНЕСКО представляет прежде всего интересы правительств стран-участников, причем именно по тем вопросам, по которым представители этих стран смогли договориться. Получается, что вопросам поддержки миноритарных языков, интересы которых готовы защищать лишь немногочисленные граждане стран-участников, должного внимания не уделяется. К тому же штаб-квартира ЮНЕСКО находится во Франции, стране, известной своей жесткой политикой в отношении миноритарных языков.

Увы, моя работа в этой организации никак не была связана с лингвистикой и вообще с чем-либо, к чему у меня есть склонность. Так что полноценной возможности совмещать приятное с полезным у меня не было. Но это не страшно! Сейчас я вышел на пенсию и надеюсь вернуться к серьезной исследовательской работе, планирую вновь заняться бретонскими штудиями, а также уделить внимание арабскому и грузинскому. Так что у меня всё еще впереди! ◆

Коллеги, не будет юмористической колонки Экономова в этот номер...

ГДЕ НАЙТИ ГАЗЕТУ «ТРОИЦКИЙ ВАРИАНТ — НАУКА»

В Москве ТрВ-Наука в настоящее время распространяется бесплатно в ряде институтов и вузов, в Дарвиновском и Сахаровском музеях, в Исторической библиотеке.

В Санкт-Петербурге газету можно взять в Санкт-Петербургском союзе ученых (Университетская наб., д. 5, во дворе офис 300) в будни с 10 до 17 часов. Контактный телефон: 328-41-24 (Светлана Валентиновна). Свежие номера ТрВ-Наука можно также получить на вахте в Европейском университете Санкт-Петербурга (eu.spb.ru, ул. Гагаринская, д. 3а).

В Нижнем Новгороде – номера можно взять в холле Института прикладной физики РАН (ул. Ульянова, 46).

Доставка подписчикам в **Троицке** осуществляется Троицким информационным агентством и службой доставки газеты «Городской ритм»: Троицк, ул. Лесная, дом 4а. Тел: (495) 856-64-02 (многоканальный), e-mail: gor_ritm_tr@list.ru.

Страница газеты «Троицкий вариант – Наука» в «Фейсбуке» — www.facebook.com/trvscience

«Троицкий вариант»
Учредитель — **ООО «Тровант»**
Главный редактор — **Б. Е. Штерн**
Зам. главного редактора — **Илья Мирмов, Михаил Гельфанд**
Выпускающий редактор — **Максим Борисов**
Редакционный совет: **М. Борисов, Н. Демина, А. Иванов, А. Калиничев, А. Огнёв, А. Паевский, С. Попов**
Верстка — **Максим Борисов.** Корректура — **Мария Янина**

Адрес редакции и издательства: 142191, г. Москва, г. Троицк., м-н «В», д. 52; **телефон:** +7-910-432-3200 (с 10 до 18), **e-mail:** info@trvscience.ru, trv@trovant.ru, **интернет-сайт:** www.trv-science.ru.
Использование материалов газеты «Троицкий вариант» возможно только при указании ссылки на источник публикации.
Газета зарегистрирована 19.09.08 в Московском территориальном управлении Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ПИ № ФС77-33719.
Тираж 5000 экз. Подписано в печать 09.03.2015, по графику 16.00, фактически — 16.00.
Отпечатано в типографии ООО «ВМГ-Принт». 127247, г. Москва, Дмитровское шоссе, д. 100.
Заказ №
© «Троицкий вариант»